

На правах рукописи

МУХИН Михаил Юрьевич

**ЛЕКСИЧЕСКАЯ СТАТИСТИКА И ИДИОСТИЛЬ АВТОРА:
КОРПУСНОЕ ИДЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

**(на материале произведений М. Булгакова,
В. Набокова, А. Платонова и М. Шолохова)**

10.02.19 – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Екатеринбург – 2011

Работа выполнена в ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького».

Научный консультант: Заслуженный деятель науки РФ,
доктор филологических наук, профессор
Бабенко Людмила Григорьевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Гридина Татьяна Александровна

доктор филологических наук, профессор
Кузьмина Наталья Арнольдовна

доктор филологических наук, профессор
Поликарпов Анатолий Анатольевич

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена» (г. Санкт-Петербург)

Защита состоится 20 апреля 2011 г. в 14.00 на заседании диссертационного совета Д 212.286.11 при ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в диссертационном зале научной библиотеки ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького».

Автореферат разослан «___» _____ 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Л. А. Назарова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В современных антропоцентрических по характеру лингвистических исследованиях проявляется тяготение к большей степени формализации описания языковых явлений, которая обусловлена возможностями автоматизированной обработки текста, корпусной лингвистики и идеографической лексикографии. Очевидным образом испытывает это тяготение и лингвистика художественного текста, направленная на моделирование одной из самых сложных с точки зрения формы и семантики единицы речи. Сама природа художественной литературы изначально противоречива. С одной стороны, смысл текста не может выводиться из суммы значений слов; существуют влияющие на семантику внетекстовые отношения, которые, как писал Ю. М. Лотман, «не «примышляются» — они входят в плоть художественного произведения как структурные элементы определенного уровня». С другой стороны, порождает эти смыслы и отношения вполне реальная комбинация слов.

Стремление к формализации содержания текста приводит исследователей к системному описанию не только смысла конкретного произведения, но и специфики целых индивидуально-авторских художественных систем. Л. Г. Бабенко, Н. С. Болотнова, В. В. Виноградов, И. Р. Гальперин, Ю. В. Казарин, Ю. Н. Караулов, Н. А. Кузьмина, В. А. Лукин, Л. А. Новиков, В. А. Пищальникова, Г. Я. Солганик, Н. Е. Сулименко, И. Я. Чернухина и другие лингвисты разработали важнейшие категории художественного текста (в частности, категории автора, языковой личности, художественной картины мира, художественного континуума), предложили целостные модели его системного лингвистического анализа.

В теоретических исследованиях по семантике (работы Ю. Д. Апресяна, Л. Г. Бабенко, Л. М. Васильева, В. Г. Гака, И. М. Кобозевой, Г. В. Колшанского, М. А. Кронгауза, Э. В. Кузнецовой, М. Ю. Михеева, М. В. Никитина, А. И. Новикова, Е. В. Падучевой, Е. В. Рахилиной, И. А. Стернина, А. П. Чудинова и др.) предложены варианты формализованного описания значения слова в языке и тексте, что, в частности, используется в практике парадигматического и синтагматического анализа лексики, а также построения текстовых тезаурусов.

Большую роль в исследовании художественного текста сегодня играют количественные методы, применение которых породило целые направления изучения графико-фонетических, лексико-семантических, синтаксических, композиционных особенностей художественного текста (об этом пишут В. С. Баевский, М. Л. Гаспаров, А. П. Журавлев, Ю. Н. Караулов, А. Н. Колмогоров, А. Я. Шайкевич, J. F. Burrows, T. N. Corns, D. L. Hoover). Особые прагматические задачи решают исследования по атрибуции литературных

произведений, авторство которых вызывает дискуссии (работы Г. В. Ермоленко, Л. В. Милова, Н. Ю. Мухина, А. А. Поликарпова, Д. В. Хмелева, Г. Хьетсо и др.). В зарубежной лингвистике стилистические исследования, включающие статистический анализ (в том числе атрибуцию), обычно относятся к направлению, получившему название «стилометрия» (R. H. Baayen, J. F. Burrows, T. N. Corns, D. I. Holmes, D. L. Hoover, H. Love). Развитию стилометрии, лингвистической статистики, формальной поэтики способствуют возможности быстрой обработки больших объемов данных и создание корпусов, содержащих разметку на разных уровнях текста (в том числе семантическую) — см. публикации координаторов русскоязычных корпусных проектов М. В. Копотева, В. А. Плунгяна, А. А. Поликарпова, А. Я. Шайкевича.

Достижения рассмотренных научных направлений, безусловно, свидетельствуют, что, изучая и систематизируя семантику текстовых единиц (в первую очередь лексических множеств), можно выявить смысловую структуру текста, а также концептуальные и стилистические особенности авторского идиостиля и его отличия от других художественных систем. Реферлируемая диссертация посвящена моделированию идиостиля автора на основании выборки, идеографического и сравнительно-стилистического анализа лексики, часто встречающейся в его произведениях. Важнейшим моментом методики анализа на разных этапах исследования является сопоставление нескольких текстов одного автора и произведений разных писателей. Предложенная методика позволяет выявить особенности идиостилей М. Булгакова, В. Набокова, А. Платонова и М. Шолохова.

Таким образом, рассматривается еще одна возможность привлечения количественных методов для моделирования индивидуальных особенностей авторского стиля.

Актуальность исследования обусловлена возрастающими требованиями к объективации изучения текста и поиску формализованных путей выявления индивидуально-авторских признаков литературных произведений. Несмотря на общую изученность творчества рассматриваемых писателей, многие «фоновые» семантические характеристики текстов остаются неисследованными и даже незамеченными вследствие субъективности разных этапов традиционного филологического анализа. Обращенность лингвистики текста к количественным методам и корпусным технологиям связана со стремлением к более высокому уровню формализации языковых данных, «сплошному» анализу и сопоставлению объемных произведений. Поиск индивидуально-авторских особенностей идиостиля обычно затруднен тем, что фрагменты действительности, отраженные в художественных произведениях, написанных разными авторами, естественным образом пересекаются, совпадают. Не является оригинальным идиостилевым приемом использование частотной общеупотребительной лексики, типовых синтаксических кон-

струкций и т. д. Поэтому существенно, что применение статистических методов позволяет развести, с одной стороны, индивидуально-авторские, а с другой — индивидуально-текстовые и общезначимые явления уже на этапе сопоставительной выборки лексического материала.

Статистические выкладки не могут быть самоцелью анализа художественного текста. Контекстологическое рассмотрение частотной лексики каждого из писателей и ее дальнейшая семантическая группировка позволяют судить об авторских концептуальных системах и синтагматических предпочтениях. В качестве основы для семантического объединения слов в этой работе использованы классификации, принятые в словарях, созданных и создаваемых в Екатеринбурге лексикографической группой «Русский глагол» под руководством проф. Л. Г. Бабенко. Структура этих тезаурусов включает систему денотативных сфер («Живая природа», «Восприятие органами чувств», «Эмоции», «Оценка» и др.), которые в свою очередь подразделяются на множественные группы лексики. Идеографическая лексикография — актуальное теоретическое и прикладное направление (см. работы Л. Г. Бабенко, А. Н. Баранова, О. С. Баранова, Л. М. Васильева, Д. О. Добровольского, Ю. Н. Караулова, Г. И. Кустовой, О. Н. Ляшевской, В. В. Морковкина, Е. В. Падучевой, З. Д. Поповой, Е. В. Рахилиной, Л. О. Чернейко, Н. Ю. Шведовой, А. А. Шушкова, Р. И. Яранцева и др.), благодаря которому семантизация словарных и контекстных значений слов стала гораздо более точной. В данной работе идеографическая интерпретация лексической семантики определяется концепцией Уральской семантической школы, основателями которой являются Э. В. Кузнецова и Л. Г. Бабенко.

Количественное и качественное соотношение классов лексики, выявленное лексикографом, как пишет Л. Г. Бабенко, отражает национальную картину действительности, является моделью мировосприятия, репрезентированного в языке. Эта мысль применима и к методике идиостилювого исследования. Идеографическая систематизация лексики, выбранной из текстов, написанных одним и тем же автором, позволяет выстроить понятийную иерархию, определяемую его концептуальной и художественной картиной мира. Этот аспект исследования делает диссертацию актуальной также и в контексте антропологической лингвистики. Сопоставительный анализ, базирующийся на формализованной выборке материала, дает системные основания для выявления особенностей идиостилей М. Булгакова, В. Набокова, А. Платонова и М. Шолохова — четырех замечательных русских писателей XX в., позволяет скорректировать и дополнить филологические представления об их творчестве.

Актуальность проявляется и в соотношении работы с активно развивающимся сегодня направлением стилометрического (т. е. стилистико-статистического) анализа. Его применение приводит исследователей к но-

вым выводам о динамике авторского стиля, об изменении литературной ситуации, а также к более точному атрибутированию как классических, так и современных текстов. Исследования в области формализации лексической синтагматики выходят за пределы рассмотрения только художественных произведений. Например, выявление неслучайных синтагматических связей между словами является крайне актуальным для прикладных сфер информационного поиска, машинного перевода и автоматического реферирования.

Целью исследования является выявление особенностей идиостилей М. Булгакова, В. Набокова, А. Платонова, М. Шолохова на основании семантически размеченного корпуса частотной лексики, выбранной из их произведений, и ее сопоставительного анализа. В соответствии с заявленной целью в диссертации ставятся следующие **задачи**:

1. Разработать теоретические основания корпусного идеографического исследования идиостиля, изучив специфику классических и современных научных направлений, использующих при анализе художественного текста статистические, идеографические, стилистические и др. методы.

2. Сформировать представление о художественных системах М. Булгакова, В. Набокова, А. Платонова, М. Шолохова на основании существующих филологических, биографических и культурологических источников.

3. Выработать общую модель сопоставительного исследования идиостиля автора с учетом признаков авторской концептуальной системы и особенностей лексической синтагматики.

4. Осуществить сплошной автоматический морфологический анализ избранных текстов и снять межсловную грамматическую омонимию. Перевести тексты в формат базы данных для осуществления статистических процедур и сопоставления частотной лексики.

5. Определить массивы индивидуально-авторской частотной лексики и осуществить семантическую разметку в ее контекстах. На основании сопоставительного идеографического и стилистического анализа выявить признаки концептуальных систем М. Булгакова, В. Набокова, А. Платонова и М. Шолохова.

6. Выработать модель анализа индивидуально-авторской лексической синтагматики. Определить авторские синтагматические предпочтения и соотнести особенности лексической сочетаемости с чертами четырех концептуальных систем.

7. Сопоставить выявленные особенности идиостилей авторов с традиционно-филологическими представлениями об их художественных системах.

В диссертации анализируются объемные русские прозаические тексты XX в. (16 произведений М. Булгакова, В. Набокова, А. Платонова и М. Шолохова — по четыре текста каждого автора), см. таблицу:

Общая характеристика исследуемых произведений

Автор	Произведение и его сокращенное название, применяемое в работе	Годы создания	Объем, слов	
М. Булгаков	«Белая гвардия»	Б:БГ	1922–1924	71 044
	«Жизнь господина де Мольера»	Б:ЖМ	1932–1933	50 801
	«Театральный роман»	Б:ТР	1930, 1936–1937	41 108
	«Мастер и Маргарита»	Б:ММ	1929–1940	112 445
В. Набоков	«Король, дама, валет»	Н:КДВ	1928	54 439
	«Защита Лужина»	Н:ЗЛ	1929	51 506
	«Камера обскура»	Н:КО	1931	42 951
	«Дар»	Н:Д	1937–1938	103 150
А. Платонов	«Сокровенный человек»	П:СЧ	1927–1928	19 337
	«Чевенгур»	П:Ч	1927–1929	114 985
	«Котлован»	П:К	1929–1930	34 093
	«Ювенильное море»	П:ЮМ	1934	22 532
М. Шолохов	«Тихий Дон»	Ш:ТД	1928–1941	424 684
	«Поднятая целина»	Ш:ПЦ	1932–1960	205 161
	«Судьба человека»	Ш:СЧ	1956	10 901
	«Они сражались за Родину»	Ш:ЗР	1942–1969	47 235

Объект диссертационного исследования конкретизируется в связи двумя аспектами рассмотрения идиостиля. Это, во-первых, индивидуально-авторская частотная лексика и, во-вторых, авторские лексические биграмм (пары слов, извлеченные из одного фразового контекста), регулярно встречающиеся в разных произведениях одного автора и нехарактерные для творчества других писателей.

Предметом исследования являются особенности идиостилей авторов, а именно признаки авторских концептуальных систем (выявленные на основании сопоставительного анализа контекстов индивидуально-авторской частотной лексики) и особенности авторской лексической синтагматики (выявленные на основании сопоставительного анализа контекстов авторских лексических пар (биграмм)).

Привлекательный **материал** специфичен для разных этапов исследования. Автоматическому морфологическому анализу подвергнуты все словоформы, составляющие 16 текстов (1 406 372 словоупотребления); в 111 166 случаях зафиксированная программой межсловная грамматическая омонимия снята «вручную». Материалом идеографического и сравнительно-стилистического анализа, проведенного во 2-й и 3-й главе, стали 40 217 контекстов 834 индивидуально-авторских частотных слов. В 4-й главе сравнительно-стилистический анализ проведен на базе 7 850 контекстов, в которых употреблены 1 050 оригинальных авторских лексических биграмм. Для сопоставления в главе проанализировано 5 621 употребление индивидуально-авторских биграмм в текстах других писателей, что увеличило объем материала до 13 471 контекста. В итоге общее количество контекстов, привлеченных для лексико-семантического анализа в 3-й и 4-й главах, — 53 688.

На разных этапах исследования применялись следующие **методы**:

- 1) метод сплошной выборки материала;
- 2) морфологический анализ, необходимый для лемматизации текстов и снятия остаточной межсловной грамматической омонимии;
- 3) сравнительно-статистический анализ, который применяется для ранжирования лексики и лексических пар (биграмм) по частоте встречаемости в каждом тексте и предполагает обязательное сравнение лексических частот в произведениях разных писателей;
- 4) идеографический анализ, соотносящий слова с точки зрения их контекстного значения с денотативными сферами и группами и служащий основанием семантической разметки контекстов индивидуально-авторской частотной лексики; его принципиальные составляющие — компонентный анализ лексического значения и контекстологический анализ;

5) сравнительно-стилистический анализ, выявляющий особенности художественной концептуализации мира в контекстах индивидуально-авторской частотной лексики и семантические отношения между членами лексических биграмм; так же, как и идеографический, он связан с компонентным анализом лексического значения и контекстологическим анализом и предполагает обязательное идиостилевое сопоставление; итог сравнительно-стилистического анализа — выявление признаков концептуальной системы автора и особенностей лексической синтагматики в его текстах;

В необходимых случаях идеографический и сравнительно-стилистический виды анализа дополняются функционально-текстовыми, лингво-поэтическими, культурологическими и литературоведческими комментариями.

В работе используются также общенаучные методы исследования: описательный, индуктивный и дедуктивный.

Теоретическая значимость диссертации выражается в выработке единой модели описания идиостиля автора, основанной на формализованной сплошной выборке материала. Применяемая модель имеет универсальный характер и является состоятельной при условии идиостилевого сопоставления, т. е. обращения к творчеству разных авторов. Сопоставление индивидуально-авторских особенностей текстов проведено как на уровне первичной выборки материала, так и на интерпретационном этапе анализа произведений. Значимыми являются частные методики выявления признаков концептуальных систем и особенностей лексической синтагматики, участвующие в системном описании идиостиля автора. Модель приложима к анализу лексических особенностей текстов разных стилей и жанров.

Теоретически значимыми являются разработка и уточнение базовых терминов: концептуальная система автора, индивидуально-авторская частотная лексика, текстовые лексические универсалии, концептуальный и синтагматический профили автора, синтагматическая активность слова — и их объективация посредством сопоставительного статистического анализа.

Концептуальная система автора понимается в диссертации как индивидуальное единство взаимосвязанных денотативных сфер, реализованное в разных текстах автора и обусловленное художественной концептуализацией мира посредством употребления индивидуально-авторской частотной лексики.

Представление о концептуальной системе (1-й аспект идиостилевого исследования) формируется на основании концептуального профиля автора — оригинального количественного соотношения денотативных сфер и групп в его текстах. К индивидуально-авторской частотной лексике относится набор слов, часто встречающихся в разных произведениях одного писателя и нехарактерных для текстов других авторов.

Представление об индивидуальных особенностях авторской синтагматики (2-й аспект идиостилевого исследования) порождается благодаря интерпретации и обобщению синтагматического профиля, отражающего оригинальное количественное соотношение контекстных партнеров текстовых лексических универсалий (слов, часто используемых всеми авторами) в различных текстах одного писателя. Существенной для синтагматического профиля следует признать лексику, проявляющую в этих текстах максимальную синтагматическую активность, т. е. сочетающуюся с наибольшим количеством оригинальных контекстных партнеров.

Концептуальный профиль (набор денотативных сфер) и синтагматический профиль (набор синтагматически активных слов) объединяет то, что они оба представляют собой индивидуальное количественное соотношение элементов, которое отражает идиостилевые особенности.

Вкладом в разработку теории лексической идеографии является идиостилевое обоснование иерархии ядерных и периферийных денотативных сфер, а также текстовых денотативных лакун в концептуальном профиле автора художественного произведения.

На разных этапах работы с текстовым корпусом (подготовка исходных текстов, морфологическая разметка, сравнительно-статистическая выборка материала, семантическая разметка контекстов) принят комплекс решений, значимых для теории и практики быстро развивающейся корпусной лингвистики.

Новизна работы заключается уже в самой объемности проведенного на всех этапах анализа идиостилевого сопоставления творчества М. Булгакова, В. Набокова, А. Платонова и М. Шолохова. Исследование строится на корпусе, включающем около 1,5 млн словоупотреблений. «Писательская парадигма», относящаяся примерно к одному периоду XX в., отражает в каждом конкретном случае индивидуальные особенности художественного использования единиц русского языка. Большой объем материала обработан во многом благодаря использованию программы автоматического морфоанализа и процедур, разработанным в текстовой базе данных.

Новыми также являются синтез трех направлений анализа художественного текста (статистического, идеографического и стилистического) и построение семантического корпуса индивидуально-авторской частотной лексики и авторских биграмм, отражающего результаты сопоставительного анализа, признаки концептуальных систем четырех писателей и особенности лексической синтагматики в их произведениях.

Оригинальная методика обработки материала позволяет сделать выводы и традиционного филологического характера — подтвердить, дополнить или скорректировать научные и интуитивные читательские представления о творчестве разных авторов.

Практическая ценность диссертации заключается в возможности использования ее результатов для дальнейшей разработки текстовых корпусов, выявления индивидуально-авторских элементов художественных произведений, исследования идиостилей. Основные положения работы могут использоваться в практике преподавания различных курсов, связанных с теорией текста (в первую очередь его количественного, идеографического и стилистического анализа) и изучением идиостилей писателей, а также для создания авторских стилевых и частотных словарей.

Вероятно, что, повернув методологию в обратном направлении (т. е. рассмотрев тексты с дискуссионным авторством), можно применить результаты для решения проблемы атрибуции текста на лексическом материале.

Данные, опубликованные в приложениях (статистические параметры произведений М. Булгакова, В. Набокова, А. Платонова и М. Шолохова; список текстовых лексических универсалий; массивы индивидуально-авторской частотной лексики и перечень оригинальных авторских лексических биграмм), могут быть использованы в различных идиостилевых, лексико-статистических и корпусных проектах.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на кафедре современного русского языка Уральского государственного университета им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

Основные теоретические положения докладывались автором на 18 международных, всероссийских и региональных конференциях: в Екатеринбурге (14 конференций — с 1999 по 2010 гг.), Москве (международная конференция по компьютерной лингвистике «Диалог», 2005), Гродно (2002), Парте-ните (АР Крым, две международные конференции MegaLing — 2007, 2008).

Исследование было поддержано грантом Президента РФ для молодых ученых, № проекта МК-337.2007.6.

По теме диссертации опубликовано 33 работы, в том числе монография (13,5 п. л.) и 11 статей в журналах, рекомендованных ВАК.

Структура диссертации соответствует поставленной цели и задачам исследования. Текст диссертации состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографического списка и шести приложений.

1-я глава посвящена теоретическим основаниям лексико-статистического исследования идиостилей М. Булгакова, В. Набокова, А. Платонова и М. Шолохова.

Во 2-й главе обосновывается модель сопоставительного исследования идиостилей. Глава отражает 1-й этап разработанной модели анализа: сопоставительную выборку индивидуально-авторской частотной лексики, семантическую разметку контекстов и построение концептуальных профилей авторов.

3-я глава посвящена 2-му этапу модели — выявлению признаков концептуальных систем М. Булгакова, В. Набокова, А. Платонова и М. Шолохова. В раздел, посвященный каждому писателю, входит описание особенностей художественной концептуализации мира в контекстах индивидуально-авторской частотной лексики, которое включает обязательное сопоставление с произведениями других авторов. В конце главы сделаны выводы об особенностях концептуальных систем четырех авторов.

В 4-й главе исследуются особенности авторской лексической синтагматики (3-й этап модели анализа). Выявляется набор лексических биграмм, характерных для творчества каждого автора. Формируются синтагматические профили текстов четырех писателей, определяются типовые семантические отношения внутри авторских биграмм. В конце главы сделаны выводы об особенностях лексической синтагматики четырех авторов.

В заключении подводятся общие итоги работы и намечаются перспективы исследования. Выявленные в 3-й и 4-й главах особенности идиостилей писателей сопоставляются с характеристиками художественных систем, которые перечислены в 1-й главе.

В приложениях содержатся: 1) идеографически упорядоченный массив концептов и их лексических репрезентантов в творчестве М. Булгакова, В. Набокова, А. Платонова, М. Шолохова, сформированный по данным филологических работ; 2) список неоднословных лексических единиц, которые при морфоанализе рассматривались как одна словоформа (*а именно, в течение, быть может и т.п.*); 3) статистические параметры произведений М. Булгакова, В. Набокова, А. Платонова и М. Шолохова; 4) список текстовых лексических универсалий; 5) массивы индивидуально-авторской частотной лексики; 6) перечень оригинальных авторских лексических биграмм.

Положения, которые выносятся на защиту:

1. Выявление идиостилевых признаков осуществлено на базе сопоставительного анализа частотной лексики, выбранной из произведений разных писателей. Такой анализ позволил отделить индивидуально-авторские лексические особенности от индивидуально-текстовых и свойственных другим авторам языковых явлений. Исследование идиостилей М. Булгакова, В. Набокова, А. Платонова и М. Шолохова на основании лексической статистики выявило признаки концептуальных систем авторов и особенностей авторской лексической синтагматики.

2. Разработана модель идиостилевого анализа, которая включает следующие этапы:

а) сопоставительная выборка индивидуально-авторской частотной лексики, семантическая разметка контекстов и построение концептуальных профилей авторов;

б) выявление признаков авторских концептуальных систем;

в) сопоставительная выборка индивидуально-авторских лексических биграмм, построение синтагматических профилей авторов и выявление особенностей лексической синтагматики в их произведениях.

3. Оригинальным для концептуального профиля каждого автора является сочетание доминантных денотативных сфер:

- М. Булгаков: «Искусство», «Речь», «Государство и право», «Предмет», «Строительство, здание», «Сверхъестественное», «Финансы»;

- В. Набоков: «Оценка», «Восприятие органами чувств», «Интеллект», «Быт», «Развлечение, отдых, спорт», «Форма и структура», «Сфера обслуживания», «Наука и образование»;

- А. Платонов: «Социальные отношения и трудовая деятельность», «Эмоции», «Универсальные представления, смыслы, отношения», «Техника, производство, транспорт», «Неживая природа», «Пространство», «Время», «Количество», «Материя и вещество»;

- М. Шолохов: «Военная служба», «Человек как живое существо», «Движение, перемещение, помещение», «Населенный пункт и административные единицы», «Сельское хозяйство», «Физическое воздействие», «Живая природа», «Родственные и семейные отношения».

4. Концептуальные системы писателей отличаются, в частности, следующими признаками:

- М. Булгаков: драматургичность, социальная и ролевая направленность повествования, интенсивность внешнего выражения эмоций;

- В. Набоков: постоянное выражение оценки (с преобладанием эстетической), приоритет интеллектуального творчества и игры, придание незначимому статусу значительного, судьбоносного;

- А. Платонов: сосредоточенность на взаимосвязи социальных и природных процессов, категориальность мировосприятия, «самодостаточная» эмоциональность человека;

- М. Шолохов: приоритетность отображения конкретно-физических процессов, историко-географическая реалистичность, интерес к описанию военных действий и быта.

5. Сходство концептуальных систем проявляется в таких параметрах, как сенсорические черты авторской картины мира (М. Булгаков, В. Набоков, М. Шолохов), значимость социальных признаков человека (М. Булгаков и А. Платонов), преобладание лексики внешнего проявления эмоций (М. Булгаков и М. Шолохов), специфика репрезентации сферы «Неживая природа» (А. Платонов и М. Шолохов), особые текстовые функции предметной лексики (М. Булгаков и В. Набоков).

6. Сравнительный статистический, идеографический и стилистический анализ привел к определенной коррекции традиционных филологических представлений о творчестве четырех писателей. Так, сопоставление разных

произведений показывает, что не для конкретного романа, а для идиостиля в целом являются периферийными денотативные сферы «Пространство» и «Религия» (М. Булгаков), «Искусство» (В. Набоков), «Восприятие органами чувств» (А. Платонов), «Эмоции» и «Социальные отношения» (М. Шолохов).

7. Авторская лексическая сочетаемость отличается наиболее важными особенностями, связанными с синтагматической активностью различных классов слов в творчестве четырех писателей:

- М. Булгаков: лексика сферы «Речь», участвующая в характеристике персонажа, выражении эмоций и оценки романских событий;
- В. Набоков: наречия, отражающие неожиданность событий и случайность/неслучайность явлений и процессов;
- А. Платонов: слова, указывающие на актуальность коренных вопросов жизни человека, а также смерти как особой формы человеческого бытия;
- М. Шолохов: лексика, обозначающая части тела человека и животного, преимущественное употребление которой служит обозначению эмоций, описанию жестов, выражению оценки внешности персонажа, а также характеризующиеся оригинальной сочетаемостью глаголы движения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснованы выбор темы и актуальность докторской диссертации; сформулированы основная цель и конкретные задачи работы; представлены объект, предмет и материал исследования; перечислены методы, используемые в диссертации; приведена основная модель анализа материала; определены теоретическая значимость, новизна и практическая ценность исследования; охарактеризована структура текста диссертации; сформулированы положения, выносимые на защиту.

В **1-й главе «Теоретическая основа лексико-статистического исследования идиостиля автора»** рассмотрены лингвистические подходы к формализации анализа художественного текста и созданы теоретические основания для корпусного сопоставительного исследования идиостилей М. Булгакова, В. Набокова, А. Платонова и М. Шолохова.

Анализ художественного текста — огромная область с широким спектром научных подходов. Методы, используемые в этой области, от искусствоведческих до математических, отличаются разной степенью формализации. Гармонизировать анализ текста как предмета искусства, совмещающего интуитивно познаваемый «эстетический объект» и «материальную лингвистическую данность», пытались в разные времена. Очевидно, что эта проблема актуальна и сегодня. Лингвистов упрекают за следование статистике, мелкокомасштабный анализ семантики слова и фразы, описание стилистических явлений, из которых не всегда может выводиться концепция текста в целом. Литературоведы становятся объектами критики за интуитивный характер выводов и затрунительную количественную оценку результатов.

В настоящий момент существует много удачных примеров системного описания формальных и смысловых характеристик художественного текста. Модели комплексного рассмотрения текста и их теоретические основы предложены в работах Л. Г. Бабенко, Н. С. Болотновой, В. Г. Гака, И. Р. Гальперина, Ю. В. Казарина, Н. А. Кузьминой, В. А. Лукина, Л. А. Новикова, В. А. Пищальниковой, Н. Е. Сулименко, И. Я. Чернухиной и др.

В главе обсуждаются направления количественных методов в филологических исследованиях (для атрибутирования анонимных произведений, а также лингвистического анализа текстов, авторство которых не вызывает сомнений). Среди авторов перечисляемых и реферируемых работ — В. Г. Адмони, В. С. Баевский, М. Л. Гаспаров, Г. В. Ермоленко, А. П. Журавлев, Ю. Н. Караулов, А. Н. Колмогоров, Л. В. Милов, Н. А. Морозов, Н. Ю. Мухин, А. А. Поликарпов, Д. В. Хмелев, Г. Хьетсо, А. Я. Шайкевич, Р. Н. Ваауен, S. Bernhardsson, J. F. Burrows, T. N. Corns, D. I. Holmes, D. L. Hoover, H. Love и др. Новые возможности изучения объемных художественных текстов во многом связаны с автоматической обработкой текстов, корпусной лингвистикой и авторской лексикографией (см. исследования В. М. Андриященко, А. О. Гребенникова, В. П. Григорьева, В. С. Елистратова, Д. Н. Жаткина, В. П. Захарова, Е. А. Каневского, Ю. Н. Караулова, О. В. Кукушкиной, А. И. Крюченкова, О. Н. Ляшевской, З. Г. Минц, В. А. Плунгяна, А. А. Поликарпова, А. Е. Полякова, Е. В. Рахилиной, Н. А. Ребецкой, В. В. Федотова, А. Я. Шайкевича, С. А. Шарова, Л. Л. Шестаковой и др.).

Точная и полная семантизация текстовых единиц основывается на достижениях теоретической семантики — работах Ю. Д. Апресяна, Л. Г. Бабенко, Л. М. Васильева, В. Г. Гака, И. М. Кобозевой, Г. В. Колшанского, М. А. Кронгауза, Э. В. Кузнецовой, М. В. Никитина, А. И. Новикова, Е. В. Падучевой, Е. В. Рахилиной, И. А. Стернина, А. П. Чудинова и др. В построении современных авторских лексических тезаурусов отражены результаты идеографической лексикографии (Л. Г. Бабенко, А. Н. Баранов, О. С. Баранов, Л. М. Васильев, Д. О. Добровольский, Ю. Н. Караулов, Г. И. Кустова, О. Н. Ляшевская, В. В. Морковкин, Е. В. Падучева, З. Д. Попова, Е. В. Рахилина, Л. О. Чернейко, Н. Ю. Шведова, А. А. Шушков, Р. И. Яранцев и др.). Семантическими по характеру являются используемые в диссертации компонентный и контекстологический анализ, а идеографический подход необходим в работе для выявления признаков концептуальной системы автора.

При идиостилевом анализе следует опираться на исследования, в которых обсуждаются важнейшие текстовые категории и особый статус слова в художественном тексте, разработаны теории идиостиля (исследования В. Г. Адмони, Андрея Белого, Р. Барта, М. Бахтина, В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, В. П. Григорьева, Ю. Н. Караулова, В. А. Пищальниковой, В. Б. Шкловского, Д. Н. Шмелева и др. ученых). Под идиостилем в диссертации понимается «система логико-семантических способов репрезентации домини-

нантных личностных смыслов концептуальной системы автора художественного текста, объективированная в эстетической деятельности и предполагающая индивидуальную трансформацию языковых выражений» [Пищальникова, 1992]. Лексический уровень текста репрезентирует концептуальную систему автора, и в то же время на этом уровне можно наблюдать специфику сочетаемости слов, свойственную тому или иному писателю. В связи с этим в данном идиостилевом исследовании выделено два аспекта: 1) выявление признаков авторских концептуальных систем и 2) выявление особенностей авторской лексической синтагматики.

Интерпретация художественных произведений в диссертации осуществляется также с учетом работы, которую провели исследователи творчества:

- М. Булгакова — Т. М. Вахитова, Б. М. Гаспаров, С. А. Жукова, Ю. Д. Коваленко, Н. Г. Михальчук, Е. В. Свиницкая, Б. В. Соколов, В. В. Химич, М. О. Чудакова, Е. А. Яблоков, Л. М. Яновская и др.;

- В. Набокова — Н. А. Анастасьев, Ю. Д. Аפרесян, С. Давыдов, Е. С. Данилова, А. А. Долинин, В. В. Ерофеев, Н. В. Козловская, Ю. И. Левин, М. Липовецкий, А. С. Мулярчик, Е. В. Падучева, К. Проффер, Е. К. Созина, П. Тамми и др.;

- А. Платонова — Л. Г. Бабенко, К. А. Баршт, Е. Н. Борисова, М. Я. Геллер, С. В. Гусев, Т. Т. Давыдова, М. А. Дмитриовская, Л. В. Карасев, Х. Костов, М. Ю. Михеев, Т. А. Никонова, Т. Б. Радбиль, Э. В. Рудаковская, Л. В. Червякова, Л. А. Шубин, В. В. Эйдинова и др.;

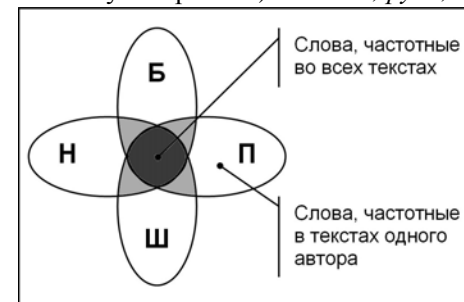
- М. Шолохова — З. И. Бутрим, Г. С. Ермолаев, Е. А. Костин, Ф. Ф. Кузнецов, А. В. Огнев, В. В. Петелин, С. Г. Семенова, Л. Г. Якименко и др.

В конце главы осуществлена попытка суммировать выделяемые в филологических работах основные концепты и их лексические репрезентанты в творчестве четырех писателей. В виде ряда положений, как результат реферирования научной литературы, сформулированы особенности авторских художественных систем.

Цель 2-й главы «Сопоставительный частотный анализ лексики. Построение концептуальных профилей авторов» — обосновать модель сопоставительного исследования идиостилей М. Булгакова, В. Набокова, А. Платонова и М. Шолохова, провести сравнительно-статистический анализ текстов, выявить корпус индивидуально-авторской частотной лексики, осуществить ее идеографический анализ и сформировать концептуальные профили четырех писателей. В главе сформулированы грамматические предпочтения при последующей выборке материала (его будут составлять слова знаменательных частей речи без имен собственных), а также обоснован сопоставительный характер выборки лексических единиц.

Модель выборки представлена в виде схемы (эллипсами с буквами *Б*, *Н*, *П*, *Ш* обозначены массивы слов, выбранных из романов М. Булгакова,

В. Набокова, А. Платонова и М. Шолохова). Существуют слова, попадающие в список частотных в любом художественном тексте (текстовые лексические универсалии): *человек, рука, глаз, идти, говорить* и т.д. (темный сектор в центре схемы). Если выборка материала строится на основании критерия частотности, то при идиостилевом анализе их (как и слова, попадающие с частотные списки двух авторов — см. светло-серые сектора на схеме) можно отсеять и рассмотреть индивидуально-авторский лексический «слой» (белые сектора).

В результате сопоставительной выборки формируется набор лексем, употребление которых характерно для того или иного автора. Однако составить представление об их семантике без контекстологического анализа невозможно: существенная часть лексики является многозначной. Следствием проведенной семантической разметки является дальнейшее обобщение семантических классов слов и создание идеографической модели идиостиля (текстового тезауруса), отражающего индивидуально-авторские концептуальные приоритеты.

Творчество каждого писателя характеризуется индивидуальным набором денотативных классов, репрезентированных в тексте и отражающих авторское представление о мире. Этот набор, как было отмечено выше, в работе назван концептуальным профилем автора. Однако выявления концептуального профиля недостаточно для моделирования индивидуальной концептуальной системы, поскольку любая система предполагает наличие закономерной структурной взаимосвязи составляющих элементов. Для выявления этой взаимосвязи необходимо обращение к текстовой реализации сфер, составляющих профиль, а еще точнее — к особой художественной концептуализации мира посредством употребления индивидуально-авторской частотной лексики.

Концептуальная система (КС) автора художественного текста определяется концептуальной картиной мира автора и художественными задачами. Основными репрезентантами КС являются концептуальный профиль, а также актуальные смыслы индивидуально-авторской частотной лексики, отражающие результаты художественной концептуализации мира. КС, как она понимается в данной работе, — это не абсолютная, а относительная категория, выявляемая на базе индивидуального концептуального профиля и интерпретируемая в сопоставлении с концептуальными системами других авторов. Построение концептуального профиля и дальнейшая интерпретация на его основании КС автора позволяет надеяться на строгость модели, минимизацию ее зависимости от авторской интенции, сюжета конкретных текстов и читательского субъективизма.

В главе дается общая количественная характеристика привлекаемых текстов, рассматриваются проблемы морфологической разметки и снятия межсловной грамматической омонимии.

Морфологическая разметка позволяет сделать первичные выводы о значимых лексико-грамматических различиях в творчестве М. Булгакова, В. Набокова, А. Платонова и М. Шолохова. Эти различия, в частности, касаются соотношения слов разных частей речи, средней длины предложений, условного «словарного запаса» писателей и объема авторского словаря, реализованного в избранных 16 произведениях. Морфолого-синтаксические данные указывают на специфические черты разных идиостилей: склонность Набокова и Платонова к пространным описаниям предметов, явлений и ситуаций и, наоборот, «отрывочность» повествования в романах Булгакова и Шолохова (о чем свидетельствует средняя длина предложения в текстах разных авторов); стремление Набокова детализировать черты предметов и явлений, выражающееся в большом количестве признаков слов; динамичность шолоховских произведений, которая связана с частотностью глаголов, и т. п.

Лексика, составляющая тексты, была упорядочена по частоте употребления; из каждого романа выбрано по 1 000 самых частотных лексем, а с ними некоторое количество слов, совпадающих с тысячным по частотности в данном тексте. В связи с методикой выборки потребовалось решить две принципиально важные проблемы.

1. Привлечение слов не по относительной частоте для корпуса всех текстов писателя, а по абсолютной частоте в каждом произведении. В работе избран критерий, выравнивающий участие текстов разного объема. Если исходить из идеи относительной частоты слова, разница между небольшими и крупными текстами дает существенные искажения, связанные с влиянием сюжета на частотную лексику и, значит, на моделирование идиостиля в целом. Иными словами, из одного текста в общий список писателя может попасть существенно больше слов, чем из других.

2. Установление количественного порога выборки (1 000 слов). Чем больше вычислено авторских слов, тем интереснее и полнее идиостилевое исследование, однако привлечение текста с объемом менее 20 тыс. слов (П:СЧ, Ш:СЧ) не позволяет повысить этот порог: абсолютная частота слова становится недостаточной для выборки.

В главе рассмотрены группы слов, часто встречающихся практически в любом тексте (текстовых лексических универсалий): 1) абстрактные глаголы, которые чаще употребляются в функции связок: *быть, становиться, стать*; 2) модальные слова: *мочь, хотеть, стараться, надо* и др.; 3) более конкретная по значению лексика следующих групп:

- человек и термины родства: *человек, жена, женщина, мать*;
- тело человека, части тела: *рука, глаз, голова, лицо, нога* и др.;
- физиология: *жить, жизнь, живой, смерть, спать, сон*;

- мышление, интеллект: *знать, думать, понимать, подумать, узнавать, мысль, помнить, забывать, решать, ум*;
- речь: *сказать, говорить, спрашивать, отвечать, рассказывать, обращаться, просить, слово, голос*;
- время, его отрезки и характеристики: *время, год, месяц, день, вечер, ночь, час, минута, еще, уже, теперь, сейчас, потом, тогда, давно, всегда* и др.;
- пространство и его координаты: *место, сторона, далеко, назад, дальше* — и ряда других.

Сверхчастотные слова, текстовые лексические универсалии, связаны с восприятием мира человеком, нахождением в пространстве и времени, общением, социальными отношениями и т. п. Однако эти слова, дающие интересную информацию о природе художественных текстов в целом, при идиостилевом описании, в силу их частого появления в текстах разных авторов, следует привлекать ограниченно, обязательно применяя контекстологический анализ.

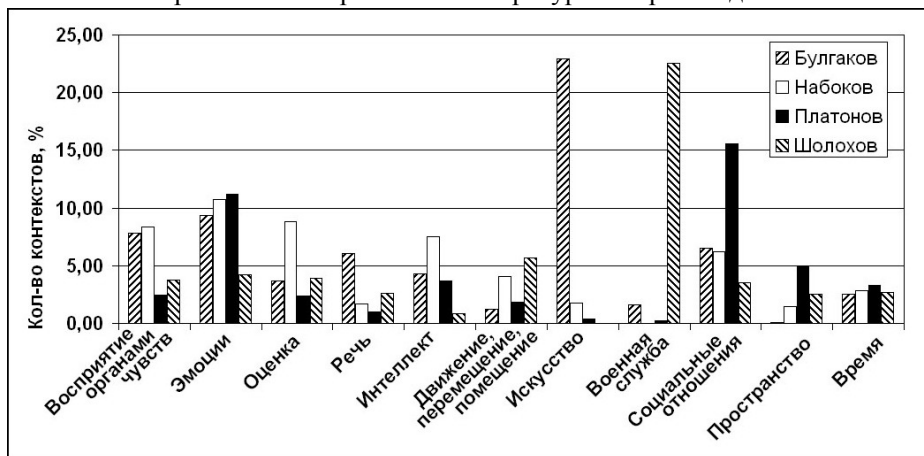
В главе также уточнены критерии выделения индивидуально-авторской частотной лексики. Показательными для КС автора признаны лексемы, попадающие в пик частотности двух и более произведений одного писателя и не более чем одного произведения другого. Такая выборка объясняется идиостилевым, а не монокстовым подходом. Исходя из этого критерия к индивидуально-авторской частотной лексике относятся следующие слова:

- М. Булгаков: *пьеса, кот, король, сцена, актер, роман, глава, публика, вскричать, передняя, переулок, автор, директор, роль, дворец, свеча, королева, спектакль, вино, цепь, грохот, сочинять, телеграмма, вскрикивать, сверкать, взор, потолок, помещаться, драматург, плац...* (всего 149 в 5 929 контекстах);
- В. Набоков: *шахматный, игра, платье, странно, сперва, гостиница, журнал, блеск, столовая, приниматься, едва, шелковый, панель, отмечать, неожиданный, знакомый, мяч, яркий, горничная, стеклянный, черта, урок, напоминать, призрак, чемодан, невеста, кушетка, таксомотор, гулять, ощущение...* (196 в 5 322 контекстах);
- А. Платонов: *коммунизм, паровоз, природа, пролетариат, социализм, пища, масса, скучно, пространство, машинист, буржуй, почва, мучиться, остаток, выдумывать, вещество, будущее, буржуазия, трудиться, одинокий, пролетарий, тосковать, изба, забота, песня, грустный, кузнец, рабочий, бедняк, наружу...* (292 в 7 652 контекстах);
- М. Шолохов: *казак, хутор, полк, дед, зараз, станица, бык, фронт, казачий, крыльцо, парень, седло, рубаха, дивизия, шапка, курень, дюже, гутарить, кинуть, бугор, окоп, подвода, выстрел, сено, батарея, выезжать, забирать, амбар, махнуть, плеть...* (197 в 21 314 контекстах).

Сравним с ними список самых частотных слов одного из авторов, сформированный без предварительного сопоставительного анализа: *быть, сказать, еще, уже, один, мочь, знать, рука, говорить, человек, очень, стать, вдруг, глаз, теперь, год, день, опять, лицо, потом, дверь, комната, два, нет, время, выходить, жизнь, сидеть, первый, отец, тут, голова, понимать, раз, думать, идти, казаться, дом...* Очевидно, что в этом ряду, в отличие от предыдущих,

нет ни одного знакового слова, которое можно ассоциировать с творчеством писателя (ряд составлен по романам Владимира Набокова). Частотный словарь, в котором полностью размещен весь авторский лексикон, при всей своей количественной объективности затемняет идиостилевую информацию.

Проведена семантическая (денотативная) разметка корпуса, в который вошло более 40 тыс. контекстов индивидуально-авторских частотных слов, приписанных к 33 денотативным сферам — «Неживая природа», «Человек как живое существо» «Родственные и семейные отношения», «Быт», «Эмоции», «Оценка», «Речь», «Интеллект», «Движение, перемещение, помещение», «Физическое воздействие» и т.д. Количественное обобщение размеченных контекстов позволяет сформировать концептуальные профили авторов. На диаграмме ниже представлена разница между четырьмя концептуальными профилями на примере одиннадцати избранных сфер. Некоторые из показателей можно гипотетически связать с сюжетами текстов (выраженность сфер «Искусство» у М. Булгакова, «Военная служба» у М. Шолохова) или какими-либо известными личностными особенностями автора (приоритет оценочной сферы у В. Набокова). Есть и показатели, выявляющие скрытые приоритеты или, наоборот, текстовые денотативные лакуны, которые не так заметны при обычном прочтении литературных произведений.

Трактовка концептуальных профилей, как и лексическая выборка, базируется на сопоставлении писателей. Например, к эмоциональной сфере отошло 9,3 % булгаковских контекстов. Это большой показатель, но еще больше он у В. Набокова — 10,7 %, а тем более у А. Платонова — 11,2 %. С другой стороны, контексты сферы «Речь» занимают у Булгакова около 6 %. В абсолютном исчислении это немного. Однако по этому показателю Михаил Булгаков существенно опережает других писателей.

В итоге иерархии денотативных сфер можно представить как четыре полевые структуры. Они состоят из доминантных сфер, в которых автор лидирует (в сопоставлении с другими писателями); сфер, относящихся к бли-

жайшей периферии (в которых автор уступает одному из других писателей); сфер, относящихся к дальнейшей периферии; текстовых денотативных лакун (вообще не реализованных количественно сфер):

• М. Булгаков

1) доминантные сферы: «Искусство», «Речь», «Государство и право», «Предмет», «Строительство, здание», «Сверхъестественное», «Финансы»;

2) сферы ближайшей периферии: «Восприятие органами чувств», «Интеллект», «Военная служба», «Социальные отношения и трудовая деятельность», «Количество»;

3) сферы дальнейшей периферии: «Природа» (живая и неживая), «Человек как живое существо», «Быт», «Движение, перемещение, помещение» и др.;

4) денотативные лакуны: «Родственные и семейные отношения», «Наука и образование», «Сельское хозяйство», «Материя и вещество».

• В. Набоков

1) доминантные сферы: «Оценка», «Восприятие органами чувств», «Интеллект», «Быт», «Развлечение, отдых, спорт», «Форма и структура», «Сфера обслуживания», «Наука и образование»;

2) сферы ближайшей периферии: «Родственные и семейные отношения», «Эмоции», «Движение, перемещение, помещение», «Физическое воздействие», «Искусство», «Финансы», «Населенный пункт и административные единицы», «Предмет», «Время», «Универсальные представления, смыслы, отношения»¹;

3) сферы дальнейшей периферии: «Природа (живая и неживая)», «Человек как живое существо», «Социальные отношения и трудовая деятельность», «Речь» и др.;

4) денотативные лакуны: «Военная служба», «Сельское хозяйство», «Государство и право», «Материя и вещество».

• А. Платонов

1) доминантные сферы: «Социальные отношения и трудовая деятельность», «Эмоции», «Универсальные представления, смыслы, отношения», «Техника, производство, транспорт», «Неживая природа», «Пространство», «Время», «Количество», «Материя и вещество»;

2) сферы ближайшей периферии: «Живая природа», «Человек как живое существо», «Наука и образование», «Сельское хозяйство», «Строительство, здание», «Государство и право», «Форма и структура»;

3) сферы дальнейшей периферии: «Родственные и семейные отношения», «Восприятие органами чувств», «Быт» и др.;

4) денотативные лакуны: «Сверхъестественное», «Развлечение, отдых, спорт», «Сфера обслуживания».

• М. Шолохов

1) доминантные сферы: «Военная служба», «Человек как живое существо», «Движение, перемещение, помещение», «Населенный пункт и административ-

¹ «Универсальные представления...» — обобщенный, максимально абстрактный класс, в который входят универсальные представления (действие, начало бытия и др.), универсальные смыслы (возможность, необходимость и др.) и отношения (обусловленность, следствие и др.). См. об этом в идеографических словарях, изданных под ред. проф. Л. Г. Бабенко.

ные единицы», «Сельское хозяйство», «Физическое воздействие», «Живая природа», «Родственные и семейные отношения»;

2) сферы ближайшей периферии: «Неживая природа», «Быт», «Оценка», «Речь», «Техника, производство, транспорт», «Пространство»;

3) сферы дальнейшей периферии: «Эмоции», «Интеллект», «Социальные отношения и трудовая деятельность» и др.;

4) денотативные лакуны: «Сверхъестественное», «Наука и образование», «Искусство», «Финансы», «Развлечение, отдых, спорт», «Сфера обслуживания».

Концептуальные профили отражают денотативные приоритеты авторов и позволяют формализованно представить результаты семантической классификации. Таким образом, создана база для последующего сравнительно-стилистического анализа и выявления признаков концептуальных систем четырех авторов.

В 3-й главе «Сопоставительный анализ авторских концептуальных систем» проведено исследование текстовой репрезентации денотативных сфер, составляющих концептуальные профили, и осуществлено сопоставительное филологическое описание концептуальных систем М. Булгакова, В. Набокова, А. Платонова и М. Шолохова.

Модель КС каждого автора выстроена по следующему плану:

1) стилистический анализ лексики, относящейся к доминантным денотативным сферам, включающий для каждой из них:

а) общую характеристику сферы, деление ее на идеографические группы,

б) обзор слов, относящихся к сфере, семантическую характеристику актуальных смыслов и художественной концептуализации мира в контекстах индивидуально-авторской частотной лексики,

в) сопоставительный анализ репрезентации сферы в творчестве других авторов, для которых она также является значимой;

2) комментарии к периферийным сферам и текстовым денотативным лакунам, если малая выраженность или отсутствие сферы в концептуальном профиле являются значимыми для КС автора;

3) обобщение параметров КС (проводится в конце главы как результат всех сопоставительных описаний).

В отдельных параграфах, посвященных творчеству каждого автора, приводятся характеристики доминантных сфер и комментарии к дальнейшей периферии и текстовым денотативным лакунам, а сферы ближайшей периферии проанализированы как сопоставительный материал в параграфах, посвященных другим авторам. Это позволило представить индивидуальные черты творчества каждого писателя более рельефно. Приведем пример сопоставительного описания одной из денотативных сфер, являющейся доминантной для концептуального профиля Владимира Набокова, — «Восприятие органами чувств».

В данной сфере выделены традиционные группы, связанные со зрительным, слуховым, обонятельным, осязательным, вкусовым восприятием. Кроме того, добавлена группа «Смешанное восприятие» для синкретических образов, которые трудно расчлнить. К примеру, слово *ощущение* в контексте из романа Н:КДВ (*Быстрота, воздушность, запах осени, головокружительная зеркальность того, что плыло мимо, — все сливалось в ощущение бесплотности...*) создает комплексный зрительный, обонятельный и осязательный образ, а сочетание *горькая пыль* у Шолохова указывает на осязание, вкус и, вероятно, обоняние одновременно. В перечисленные группы входят как слова, обозначающие звуки, запахи, цвета и их проявление (*мрак, краска, звучать, сверкать*), так и собственно лексика восприятия (*услыхать, разглядеть, отмечать*). В большей степени, чем у других авторов, сфера чувственного восприятия реализована в романах Владимира Набокова (64 слова: *блеск, яркий, краска, прозрачный, оранжевый, прелестный, жарко, холодно, ощущение* и т. д., — употребляемые в соответствующих значениях). Доля контекстов этих слов в набоковском профиле — почти 8,4 %; несколько меньше у М. Булгакова (7,8 %) и совсем немного у М. Шолохова (3,76 %) и А. Платонова (2,49 %). Рассмотрим соотношение типов восприятия у разных авторов:

Тип восприятия	Лексические контексты, %				
	Набоков	Булгаков	Платонов	Шолохов	Ср. знач.
Зрительное	70,97	49,8	17,8	51,62	47,5
Слуховое	14,43	50	10,7	39,72	28,7
Осязательное	11,4	0	59	0,1	17,6
Обонятельное	0,34	0,2	6,4	6,6	3,4
Вкусовое	0,84	0	1,8	1,9	1,1
Смешанное	2	0	4,3	0,1	1,6

Как видим, в творчестве В. Набокова резко преобладает зрительное восприятие. Рассмотрим сенсорические особенности набоковских контекстов. Характерной чертой многих зрительных образов является яркость. Само слово *яркий* соотносимо с самыми разными реалиями: *в ярких¹ красках афиш* (Н:Д); *яркий, желтый абажур в столовой* (Н:ЗЛ); *кругом был яркий снег* (Н:КДВ); *яркий, как тропическое небо, галстук* (Н:КО). Ярким *блеском* отливают глаза, волосы человека, разнообразные предметы: *такое обилие блеска, что порой невозможно смотреть...* (Н:Д); *Белым блеском раскрылась эмалевая ванна у левой стены* (Н:ЗЛ); *никелевый глазок сумки сразу ожил, мелко заиграл зеленым блеском* (Н:КДВ); *лед отливал маслянисто-сизым блеском* (Н:КО). И слово *яркий*, и слово *блеск* попали в пик частотности всех рассматриваемых романов Набокова.

Если речь специально идет об оттенках цвета, красках, они непременно интенсивные (*крепкая зелень*, Н:Д), множественные, производящие сильное впечатление: *всякая краска жила волшебю умноженной жизнью* (Н:Д); *краски поразили его, как солнечный удар* (Н:ЗЛ); *розовая краска шрама*

¹ Разрядкой здесь и далее выделяются частотные слова, из-за которых весь контекст попадает в рассмотрение.

словно разлилась по всему его лбу (Н:КО). Из цветов, которые не используются часто другими авторами, Набоков предпочитает оранжевый (оранжевые крылья бабочки, халат, лицо, небо, пеньюар, узоры, цветок, огни и т. п.).

Зрительные впечатления в тексте Владимира Набокова почти всегда эстетически оценочны: *нарядными* могут быть свет, вещьца, женские ноги, улица, стол, кабаки, купе и т. д. Так же употребляются слова *прелестный, призрачный, прозрачный, чудесный*, реализующие совмещенные значения (обозначающие одновременно зрительное восприятие и оценку).

Существенно уступают зрительным, но все же частотны слуховые и осязательные образы. Звуки обыкновенно резкие, часто неприятные: стуки, толчки, хлопанье занавесок, дверей и т. п. Однако стоит им «удалиться» (частотное слово), наступает приятная тишина, *бархатная тишь*. Среди лексики осязательного восприятия явно выделяются количеством контекстов слова *жарко* и *холодно* (обычно связанные с сенсорным дискомфортом): *И было невыносимо жарко* (Н:ЗЛ), *ощущение*, а также прилагательные *бархатный* и *шелковый*, указывающие на мягкость: *шелковое ухо собаки; Кожа у нее была горячая, шелковая; бархатный песок* (Н:КО); [бабочка] *с приставшим шелковым пушком* (Н:Д). В последних случаях также можно говорить об эстетизации сенсорных ощущений.

Среди контекстов частотных слов часто встречаются синестетические переносы (например, с осязания на зрение: *бархатная темнота, бархатный румянец*, Н:КО; *так жарко блеснули ее губы; В глубине улицы жарко горел закат*, Н:КДВ и многие другие).

Основными признаками чувственных представлений в романах Владимира Набокова можно считать их высокую интенсивность, изменчивость, пересекаемость (обусловленную синестезией), эстетическую и сенсорную оценочность.

В романах Михаила Булгакова сферу чувственного восприятия делят на две примерно равные доли слуховые и зрительные образы. К авторскому ряду сенсорной лексики относятся слова *грохот, вскрикивать, сверкать, взор, разглядеть, загораться, хохот, зажигать, звенеть, огонек, пылать, сверкнуть, услышать, заливать* и т. д. Звуки характеризуются высокой интенсивностью, они всегда громкие — во всяком случае на это указывают контексты частотной лексики (слова *вскрикивать, хохот, грохот* и др.): *«Бал!» — пронзительно визгнул кот, и тотчас Маргарита вскрикнула и на несколько секунд закрыла глаза* (Б:ММ); *Хохот заглушал слова Измаила Александровича* (Б:ТР); *Он налетел на стеклянную преграду и поднял грохот* (Б:БГ). Они также отражают устойчивость звуков, их способность к быстрому распространению в большом пространстве: *У мадам Анжу печка раскалилась, как черт, в трубах звенело и несло* (Б:БГ); *Три телефона звенели, не умолкая никогда* (Б:ТР); *Печерские холмы отразили дробный грохот, и он полетел в центр Города* (Б:БГ); *Смех полетел из него каскадами* (Б:БГ); *вырвался и полетел громовой виртуозный вальс* (Б:ММ). Двухнаправленная связь звуков и эмоций проявляется в том, что звуки часто возникают вследствие эмоционального состояния, и, наоборот, эмоции бывают вызваны сильными звуками. Так, например, действуют

на человека грозное завывание паровоза, грозный грохот или грозный голос в романе «Белая гвардия».

Наиболее типичные зрительные впечатления создают в булгаковском повествовании разные формы огня, света — того, что интенсивно *загорается, заливают* (светом, огнем), *пылает* и *сверкает*: *Свет, ослепительный до того, что даже отливал в розовое, то загорался, то исчезал* (Б:БГ); *Через несколько секунд комнату залило светом* (Б:ЖМ); *Теперь вокруг Иуды в окнах не только сверкали огни, но уже слышались славословия* (Б:ММ). По интенсивности световых решений, яркости М. Булгаков сближается с В. Набоковым; разницу составляет то, что у Набокова речь обычно идет о блеске предметов, отражающих свет, а у Булгакова — о самих источниках света. Булгаковские сенсорные впечатления характеризуются сверхинтенсивностью, расширенностью пространственных координат, эмоциональностью их переживания.

Зрительный и слуховой типы восприятия также преобладают и в текстах Михаила Шолохова. Вот его лексический список: *слыхать, смуглый, поглядывать, бурый, вполголоса, защитный, звучать* и т. д. Основа лексики зрительных впечатлений — слова, обозначающие цвет. Резко отличается от характерных шолоховских цветов, связанных с работой, войной (*смуглый, бурый, защитный* и т. п.), «синева» неба: *...в безоблачной синеве, казавшейся отсюда, с земли, густой и осязаемо плотной* (Ш:ЗР); *бездумно следить за проплывающими в блеклой синеве белыми грудастыми облаками* (Ш:СЧ) и др. Среди слуховых образов преобладают характеристики голоса человека и звуков, сопровождающих военные действия, что непосредственно связано с основными темами шолоховских произведений.

Крайне интересно представлены в романах М. Шолохова обонятельные впечатления (их доля больше, чем у других авторов). Исходя из частотного сопоставления можно говорить об идиостилевом характере шолоховского употребления слова *ноздри* (около 90 контекстов): *В ноздри его ударил тяжелый запах горелого железа и бензина, смешанный с горьким, золотым духом жгеной травы* (Ш:ЗР); *В ноздри Нагульнову ударил теплый запах жилья и свежих хмелин* (Ш:ПЦ); *Хорошо бы... пойти по влажной борозде за плугом, жадно вбирая ноздрями сырой и пресный запах взрыхленной земли, горький аромат порезанной лемехом травы* (Ш:ГД). Сильный запах пота, табака, мыла, ружейного масла, спирта, лука, сырой земли, лекарств и т. д. вызывает сенсорическую реакцию персонажей и по-своему натурализует действие.

По мнению С. Г. Семеновой, «почти исключительная у Набокова зрительная фиксация мира у Шолохова значительно расширяется за счет всех человеческих рецепторов: и слуха... и тех чувственных показаний, которые дают в прямом контакте с предметом самые живоотно-непосредственные органы чувств: вкус, осязание, но особенно — обоняние» [Семенова, 2005, с. 96]. Несомненно, сенсорические впечатления Шолохова являются бытовыми по характеру, физиологичными, натуралистичными.

По убыванию частотности лексический ряд сферы «Восприятие органами чувств» у Андрея Платонова формируют слова *теплота, тепло, жара, прохладный, костер, греться, остывать, чуют, затихать* и др. Количественные показатели указывают на пониженную сенсоричность Платонова, однако его произ-

ведения дают интересную, нетипичную картину в плане соотношения типов чувственного восприятия: осязательные впечатления (59 %) существенно важнее для писателя, чем зрительные и слуховые. В основном это ощущения тепла и холода: слова *греться, дуть (откуда-то дуло холодом, П:Ч; там снег пошел и холод дует, П:К), жара, остывать, прохладный, тепло и теплота*. Так же, как у Шолохова, попадают в число частотных обонятельные образы: запах неба, воздуха, трав, соломы и очень часто теплоты — дыхания, тела, *тепла животной жизни* (П:ЮМ).

Не следует понимать приведенные показатели так, что у Булгакова, например, в принципе не встречается вкусовое восприятие, а у Шолохова — осязательное. Однако если соотносить реализацию разных авторских чувственных впечатлений со средними величинами, то для Набокова наиболее важны зрительные и осязательные впечатления, для Булгакова — слуховые и зрительные, для Платонова — осязательные, обонятельные и вкусовые. Шолохов проявляет «сенсорный универсализм»: для него малохарактерны только осязательные впечатления.

В последнем параграфе главы обобщены основные признаки концептуальных систем четырех писателей. Для наглядности взаимодействие доминантных сфер и сфер ближайшей периферии отображено в виде схем, состоящих из тематических блоков. Эти блоки названы условно (предметно-сенсорный, социально-прагматический и т. д.) и не могут рассматриваться в отрыве друг от друга, поскольку являются концептуально взаимосвязанными. Доминантные сферы размещены в центральной части каждой схемы (см. далее).

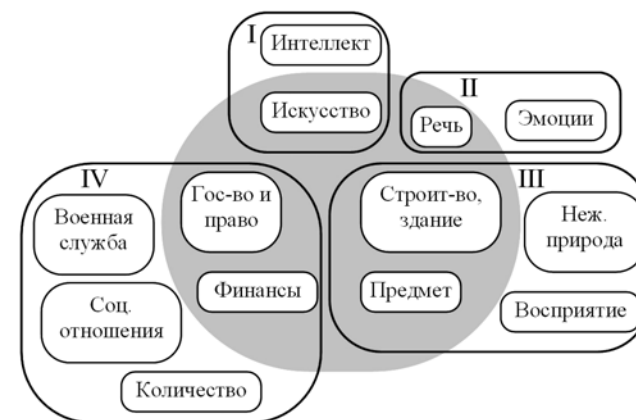
Особенности концептуальной системы Михаила Булгакова

Концептуальный профиль Булгакова отражает резкие количественные различия между сферой «Искусство» и другими категориями. Рассмотрим тематические блоки, составляющие индивидуальную концептуальную систему.

I. Интеллектуально-творческий блок. Сферу «Искусство» следует признать ведущей в произведениях М. Булгакова. С ней связаны остальные сферы, но прежде всего — интеллектуальная деятельность человека как возможность художественного творчества и познания мира.

II. Эмоционально-экспрессивный блок. Театр и театральность не просто тематические приоритеты автора. Театрализованность действия проявляется в интенсивности проявления эмоционального состояния, во внешней характеристике персонажей, в роли жеста, актуализации социальных признаков человека. В этом смысле крайне существенной для текста становится речевая сфера: она способствует созданию портрета героя, выражению его эмоционального состояния и, вообще, визуализации действия. Эмотивная лексика, характерная для писателя, — это в основном слова, обозначающие крайнюю степень эмоции и ее внешнее проявление. Большое внимание автор уделяет описанию голоса и выражения лица человека. Соответственно, театрализация действия проявляется и в передаче эмоционального состояния персонажа.

III. Предметно-сенсорный блок. Детализация повествования и интерес к конкретно-предметной сфере свидетельствуют о наглядно-чувственных ориентирах автора, его доминантном сенсорическом восприятии действительности. Предметная лексика организует художественное пространство, характеризует персонажа, представляет образные номинации состояния героя или целой ситуации. Сенсорные впечатления и эмоции человека в булгаковском творчестве взаимосвязаны. Эти впечатления характеризуются сверхин-

тенсивностью, расширенностью пространственных координат, эмоциональностью их переживания. Наиболее важные для Булгакова типы восприятия — слуховой и зрительный. Звуки в его тексте обычно очень громкие, а свет — очень яркий. Сенсорические черты концептуальной системы Булгакова проявляются в самых разных контекстах.

Например, в сфере «Неживая природа» концептуально важными оказываются воспринимаемые человеком погодные явления и огонь. Сферы «Предмет», «Строительство, здание», а также «Населенный пункт» проявляют значимость для писателя особым художественным пространством: дома, дворца, города и т. п.

IV. Социально-прагматический блок. Повествование М. Булгакова имеет ролевой, социальный характер. Актуализация официально-деловых и товарно-денежных отношений проявляется и в стилистическом, и в семантическом планах булгаковского текста. Даже реализация сферы «Искусство» показывает, что наибольшую значимость для автора имеют непосредственные «материальные объекты» (произведения и их части) и социальные аспекты творчества. Эти аспекты затрагивает и актуальная для писателя сфера «Финансы». В контекстах, относящихся к ней, выражается авторская ирония, а черты официально-делового стиля в обычной бытовой ситуации создают комический эффект. Появление в тексте ситуаций, в которых проявляются официально-деловые отношения, связано с авторским интересом к государственной и экономической прагматике, что не в такой степени характерно для творчества других авторов. Например, числительные у Булгакова чаще сочетаются со словами, обозначающими деньги. Приоритетные обозначения человека также свидетельствуют о важности государственного и правового статуса персонажа.

Судя по денотативной периферии и сферам-лакунам, для М. Булгакова нехарактерно отражение в тексте живой природы. Практически не представ-

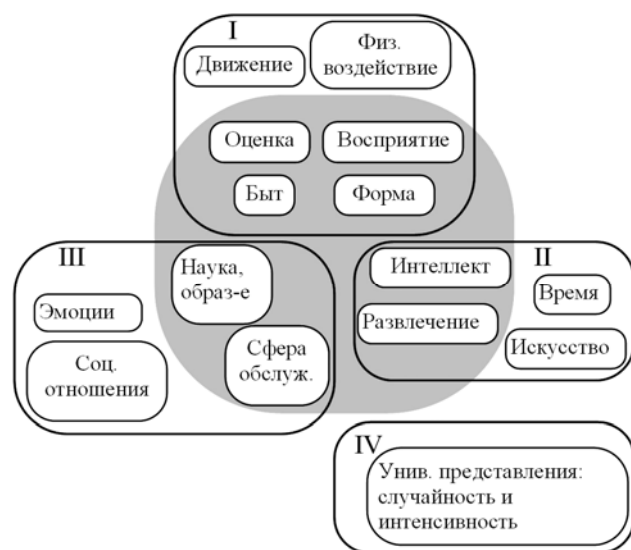
лена в его произведениях лексика со значением пространства. Построение пространственных моделей в булгаковском мире осуществляется средствами разных сфер, перечисленных выше. Поэтому обозначение категориальными словами пространственных понятий: направления, расположения, собственно пространства — для писателя не актуально. Контексты индивидуально-авторской частотной лексики статистически не подтверждают выраженной идиостилевой значимости сфер «Религия» и «Универсальные представления...». Напомним, что речь идет о концептуальной системе писателя в целом, а не об интерпретации отдельных романов.

• Итак, идеографический и стилистический анализ, основанные на лексической статистике, определяют основные черты концептуальной системы Михаила Булгакова: драматургичность мышления, которая проявляется не только в сюжетно-тематическом, но и в глубинно-концептуальном плане; социальную, ролевую направленность произведений; особую интенсивность внешнего выражения эмоций; сенсорические черты авторской картины мира.

Особенности концептуальной системы Владимира Набокова

Концептуальный профиль Владимира Набокова характеризуется реализацией большинства выделяемых категорий и отсутствием сфер, которые резко преобладали по объему лексики. В модели индивидуальной КС также выделено четыре основных тематических блока.

I. Оценочно-сенсорный блок. Оценочность — важнейшее свойство набоковского текста. Ведущая оценка, характерная для писателя, — эстетическая, а попадание в частотные ряды сенсорной оценки указывает на повышенную сенсоричность Набокова, особую необходимость фиксировать чувственный образ жизни. Почти всегда эстетически оценочными оказываются

контексты лексики «Восприятия органами чувств». Основные признаки чувственных представлений в романах Владимира Набокова — высокая интенсивность, изменчивость, пересекаемость (проявления синестезии), эстетическая и сенсорная оценочность. Наиболее важными для писателя являются зрительные и осязательные впечатления. Лидерство в сферах «Восприятие»,

«Форма», «Быт» также указывает на сосредоточенность автора на предметном мире и сенсорические черты его КС. Признаки объектов материального мира предстают в набоковском тексте как субъективно, чувственно воспринимаемые человеком, а слова, обозначающие конкретные предметы, как и у Булгакова, выполняют особые художественные функции. Сферы «Движение» и «Физическое воздействие» обычно связаны с сенсорным восприятием и оценкой конкретных физических процессов.

II. Интеллектуально-творческий блок. Творческий процесс, вдохновение — основные составляющие искусства в представлении Набокова. Понимание интеллектуального творчества как игры воображения, мысли связано с тем, что чистый процесс рассуждения обычно неотделим от наблюдения за миром или творческого состояния персонажа. Интеллектуальная деятельность для автора и его героев — это возможность художественного творчества, построения самодостаточных параллельных миров, воображаемого проникновения в прошлое, в чем проявляется взаимосвязь сфер «Интеллект», «Искусство» и «Время». Путешествие в прошлое со знанием настоящего — своеобразная мечта писателя, которая реализуется именно при помощи воображения. Частотность слов сферы «Развлечение...» указывает на ценностные характеристики ни к чему не обязывающего времяпрепровождения. Наиболее содержательной в романах Набокова признается деятельность, лишенная определенной, заданной цели (общественной, конкретно-физической и т. п.), какой-либо прагматики. Среди различных видов игры, отраженных в творчестве Набокова, особое место занимает словесная, интеллектуальная игра, напрямую связанная с художественным творчеством. Эта игра является по-настоящему одухотворенной.

III. Социальный блок. У Владимира Набокова меньше, чем у других рассмотренных авторов, нарицательных существительных, обозначающих человека. Для писателя важен не социальный статус персонажа, а социальное взаимодействие, имеющее явный межличностный характер и связанное с различными эмоциями. В социальной сфере очевидно преобладание личностных, психологических аспектов. Именно поэтому сфера «Эмоции», проявляющая взаимосвязь с разными категориями, оказалась в этом блоке. Из всех выражаемых эмоций для Набокова более всего характерно удивление, а среди прочих значимыми оказываются мечта, вдохновение и эротические переживания. Эмоции персонажей часто характеризуются глубиной, но при этом непринципиальностью их интенсивного внешнего проявления. Доминантные сферы «Наука и образование» и «Сфера обслуживания» оказываются значимыми для создания художественного пространства и характеристики набоковских персонажей.

IV. Универсальный блок. Специфика сферы «Универсальные представления...», по объему контекстов которой В. Набоков практически не уступает А. Платонову, показывает, что малозаметным нюансам, жестам, движениям в набоковском творчестве отводится особое место: они становятся крайне значимыми, иногда судьбоносными для персонажей, т. е. в итоге закономер-

ными. Интерес к «случайному» и «едва уловимому» — черта набоковской КС. Идея незапрограммированного случая и игры проявляется на лексическом и сюжетно-композиционном уровнях романов.

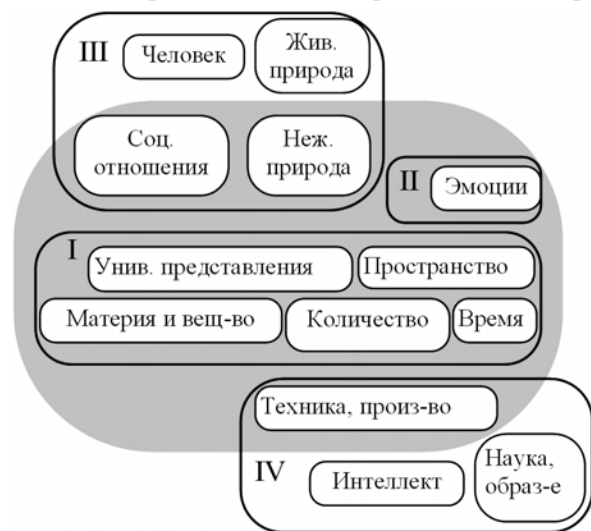
Денотативная периферия указывает на то, что природные явления, государственные и правовые аспекты если и интересуют автора, то как фон или стимул для чувственного восприятия, творчества и т. д. — то есть для реализации доминантных сфер. Таковы для писателя и конкретно-физические стороны жизни: многие действия служат в первую очередь выражению эмоционально-психологических реакций человека.

• Обобщим основные признаки концептуальной системы Владимира Набокова: постоянное выражение авторской и персонажной оценки (с преобладанием эстетической); сенсорические черты авторской картины мира; приоритет интеллектуального творчества и игры; связь эмоций с творчеством и чувственными переживаниями; придание незначимому и малозаметному статуса значительного, судьбоносного.

Особенности концептуальной системы Андрея Платонова

В концептуальном профиле Андрея Платонова количественно выделяются наиболее абстрактные по характеру сферы («Универсальные представления...», «Время», «Пространство» и др.), составляющие центральный, «универсально-бытийный», блок.

I. Универсально-бытийный блок. Явной особенностью КС Платонова является стремление к категориальным для сфер и групп, наиболее общим

понятиям и их синкретичное представление в тексте. Это справедливо для самых разных сфер: «Эмоции», «Интеллект», «Наука и образование», «Строительство, здание», «Пространство», «Материя и вещество» и др., что указывает на категориальность, обобщенность авторского восприятия мира. В сфере «Универсальные представления...» доминируют наиболее абстрактные категории «существование» и «сущность», получающие свою

философскую трактовку. Соответственно, многие из базовых слов фигурируют в платоноведении в качестве основных репрезентантов платоновских концептов.

Сфера «Материя и вещество» характерна исключительно для платоновской КС. Вещества фактически предстают как биологические сущности; представление о «веществе существования» — возможная идея живого материала, из которого сконструировано все мироздание; вопрос о его Творце остается открытым. Поскольку типична для Платонова оценка утилитарно-прагматическая, именно с этой точки зрения характеризуется существование предметов и явлений, а осмысленное бытие выражается в поиске полезного в мире.

Пространство и время для писателя не стилистические категории, а важнейшие составляющие концептуальной системы в целом. Тенденция к расширению пространства, его множественные характеристики и специфика рассмотрения будущего (центрального понятия для сферы «Время») позволяют говорить о том, что пространство и время предстают у Платонова как онтологические философские категории.

II. Эмоциональный блок. Андрей Платонов — безусловный лидер в сфере «Эмоции» (по количеству контекстов и набору самих эмоций). При этом описание внешнего выражения эмоций для писателя не важно: эмоция платоновских персонажей имеет интровертный и «бытийный» (можно сказать, самодостаточный) характер. Эмотивная семантика, в свою очередь, пересекается с социальными отношениями, а в некоторых случаях изображение эмоционального переживания вообще невозможно без упоминания социальных признаков человека.

III. Социально-природный блок. «Социальные отношения и трудовая деятельность» — ведущая для КС Платонова сфера. Лексика социальных отношений отражает идею социальной революции, преобразующей человеческую жизнь, предметный мир, природу и все мироздание. В этой концепции переплетаются личное и общественное, человеческое, природное и глобально-мировое. Социальное у Платонова пересекается с самыми разными категориями: оно эмоционально переживается, опредмечивается, воспринимается как универсально-бытийное. Природа участвует с человеком в единых физиологических и социальных процессах. Определяются этими процессами и проявления чувственности человека. Вообще, физиология человека соотносится с природным механизмом энергетического обмена. Этими соображениями объясняется объединение социальных и природных сфер в один блок. Абстрактность взгляда на мир и одновременно концепция новых социальных отношений проявляется в собирательности обезличенного обозначения множества людей, класса. «Собирательностью» характеризуется и восприятие живого мира. В разных случаях можно обнаружить замену родовым понятием видового, что является идиостилевой чертой и отражает стремление писателя к обобщению и равнодушие к частностям.

IV. Интеллектуально-технический блок. Своеобразной чертой идиостиля является концептуализация в сфере «Техника, производство, транспорт». Задача технического человека — осуществить связь между материалом, обладающим внутренней способностью и энергией, и конечным изделием. В типичных контекстах актуализируется идея интеллекта, дающего возможность

понять сущность явлений и моделировать новые социальные отношения. Процессы научного преобразования мира вызывают восхищение писателя.

В отличие от универсальных, абстрактных сфер, конкретно-предметные, проявляющие чувственное восприятие человека, для писателя малозначимы и попадают в зону периферии и денотативных лакун. Количественные показатели отражают пониженную сенсоричность Платонова, т. е. интуитивный характер восприятия действительности. Редкие сенсорные проявления можно связать не с субъективным восприятием человека, а с общемировыми энергетическими процессами.

• Концептуальная система Андрея Платонова проявляет сосредоточенность писателя на понимании взаимосвязи любых процессов в микро- и макром мире и влияния социальных процессов на все мироздание. Общие признаки КС: онтологизация предметного мира и хронотопа; категориальность и абстрактность, а также интуитивность мировосприятия; особая «самодостаточная» эмоциональность человека.

Особенности концептуальной системы Михаила Шолохова

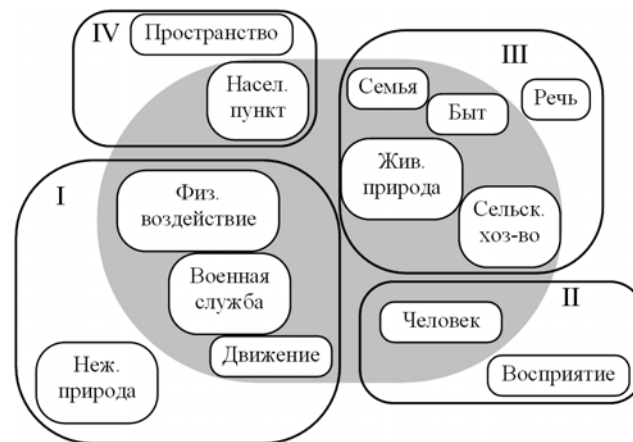
Концептуальный профиль Михаила Шолохова подобен булгаковскому: в его структуре значительно преобладают две сферы — «Военная служба» и «Человек как живое существо». Это приводит к тому, что другие категории имеют в среднем небольшой объем. Влияние сюжетов произведений на концептуальный профиль проявляется у М. Шолохова сильнее, чем у других авторов. Наиболее очевидно оно для базовых сфер «Военная служба» и «Сельское хозяйство», не просто составляющих фон жизни персонажей, а отражающих саму эту жизнь. Конкретно-физические и конкретно-предметные сферы — в центре КС Шолохова.

I. Конкретно-физический блок. Динамичное повествование, характерное для шолоховского эпоса, — причина значительного преобладания лексики конкретного физического действия. Группы «Движение» и «Перемещение» (сфера «Движение») отражают постоянное перемещение большого количества людей и вместе с лексикой отрицательного воздействия соотносятся со сферой «Военная служба». Фон для реализации перечисленных рубрик часто создают слова сферы «Неживая природа». Процессы, происходящие в неживой природе, сопоставляются с человеческими, а иногда противопоставлены им.

II. Сенсорно-физиологический блок. В отличие от Андрея Платонова, интересующегося в первую очередь социальной стороной человеческого бытия, для Шолохова актуальны физиологические и бытовые аспекты. Писателю свойственно сенсорическое восприятие человеческого тела, как живого, так и мертвого. Физиология (сфера «Человек как живое существо») в текстах Михаила Шолохова часто связана с жестом, выражением эмоций, а также социальными отношениями. Несмотря на «отставание» от произведений В. Набокова и М. Булгакова по объему сферы «Восприятие органами чувств», тексты М. Шолохова изобилуют примерами сенсорически воспринимаемых картин действительности и разнообразием выраженных типов

восприятия. Особенно выделяются в тексте обонятельные впечатления. Также, как для Булгакова и Набокова, для Шолохова характерно доминантное сенсорическое мировосприятие, проявляющееся, в частности, в интересе к внешнему виду человека. Сенсорические впечатления Шолохова по характеру бытовые и натуралистичные.

III. Природно-бытовой блок. Сферы «Быт», «Родственные и семейные отношения», «Сельское хозяйство» и др., создающие необходимый станичный и военный фон жизни донского казачества, имеют яркие этнографические черты. С рубрикой «Сельское хозяйство» связано и употребление многих слов сферы «Живая природа». Стремление писателя к достоверности изображения человеческого общения проявляется в сниженности лексики речевой сферы и разговорности слов, которые употребляются в функции обращений.

IV. Пространственно-географический блок. Причиной актуальности сферы «Населенный пункт» является авторская установка на историко-географическую реалистичность произведений. Естественна связь с этой сферой слов, называющих пространственные координаты: расположение людей и объектов, расстояние между ними, направление движения.

По анализу периферийных сфер и денотативных лакун, наиболее часто выражается в шолоховском тексте этическая оценка, а в эмотивной сфере преобладает внешнее проявление эмоций, по значимости которого сближаются КС Шолохова и Булгакова. На фоне конкретно-физических практически не представлены у Шолохова интеллектуальные и творческие процессы, нехарактерна для него и интеллектуальная оценка. Несмотря на известные шолоховедческие тезисы о значимости для писателя эмотивной и социальной сферы, эти фрагменты действительности представлены в его творчестве в меньшей степени, чем у других авторов. Очевидно, что конкретно-физические и физиологические аспекты жизни человека оказываются для Шолохова гораздо важнее всех прочих. Статистически не подтверждается и значимость концептуализации процессов и объектов живой природы, несмотря на склонность автора к пейзажным описаниям.

• Концептуальная система Михаила Шолохова характеризуется следующими параметрами: приоритетность отображения конкретно-физических процессов; стремление к историко-географической реалистичности и

выраженный этнографизм; интерес к описанию военных действий и быта; натуралистичность и сенсоричность авторской картины мира.

Итак, в главе реализован 1-й аспект идиостилевого исследования — выявление признаков авторских концептуальных систем.

В 4-й главе «Сопоставительный анализ авторской лексической синтагматики» вырабатывается методика исследования авторской лексической сочетаемости, анализируются семантические отношения в контекстах лексических пар (биграмм) и выявляются особенности лексической синтагматики произведений М. Булгакова, В. Набокова, А. Платонова и М. Шолохова.

Формализация лексической синтагматики всегда была и остается затрудненной по двум причинам: 1) множественность синтагматических связей лексики (количественный фактор) и 2) невозможность автоматизации анализа семантического варьирования слов и их контекстных партнеров. Однако классические представления об изучении лексической синтагматики сегодня получают новое развитие благодаря появлению текстовых корпусов и программ автоматической обработки речи.

В диссертации модель индивидуально-авторской лексической сочетаемости строится на основании систематизации и анализа лексических биграмм — пар слов, извлеченных из одного фразового контекста и, вероятно, связанных семантическими отношениями. На базе уже описанного корпуса 16 текстов сформирован массив знаменательных лексических пар (10 млн случаев) в пределах одного предложения, в который входят как левосторонние, так и правосторонние контекстные партнеры. Например, в предложении *Наступил антракт перед последним отделением* (Б:ММ) выделяется 12 знаменательных лексических биграмм:

наступать	антракт	антракт	наступать	последний	наступать	отделение	наступать
наступать	последний	антракт	последний	последний	антракт	отделение	антракт
наступать	отделение	антракт	отделение	последний	отделение	отделение	последний

Для того, чтобы судить об индивидуально-авторских различиях, необходимо единое основание для сопоставления идиостилей. В качестве такого основания в работе избрана специфика контекстного окружения слов, часто встречающихся у всех авторов и во всех 16 текстах, т. е. основных текстовых лексических универсалий. Одним из членов биграмм, таким образом, должно обязательно быть слово типа *человек, глаз, говорить, видеть, один* и т.п. Теоретически так можно выявить авторские приоритеты, выраженные в работе с «универсальным» языковым материалом, или, иными словами, найти различия в использовании слов, которые являются «всеобщими», часто употребляющимися в любом художественном тексте.

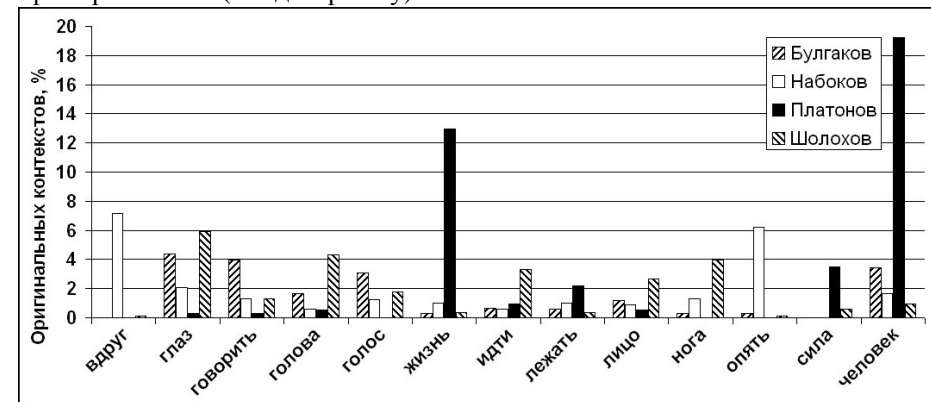
В научных работах, связанных с извлечением из текста коллокаций (или неоднословных терминов), рассматриваются статистические меры, оценивающие степень случайности/неслучайности появления слов в одном контексте (Браславский, Соколов; Митрофанова и др.; Хохлова; Ягунова, Пиво-

вара). Применение одной из этих мер — *MI* (mutual information, «коэффициент взаимной информации») — к ранжированию корпуса авторских биграмм показывает, что статистическая методика хорошо выявляет общеязыковые коллокации, а также устойчивые выражения, свойственные конкретному тексту. Однако составить представление об идиостилевой специфике авторской сочетаемости таким образом невозможно или, по крайней мере, затруднительно во многом из-за того, что результаты зависят от объема текста.

Чтобы уравнивать идиостилевой статус текстов одного автора, имеющих разный объем, и исключить биграмм, которые встречаются единично и/или только в одном произведении, в этой части диссертационного исследования также выработана сопоставительная частотная методика. В материал включены биграмм, которые одновременно: 1) встречаются в одном тексте не менее двух раз, 2) встречаются не менее, чем в двух текстах одного автора, 3) вообще не попадают в список избранных биграмм других авторов. Синтагматические связи между членами избранных биграмм проявляются в обязательном наличии семантических отношений, при этом наличие формально выраженных грамматических отношений необязательно.

После применения необходимых ограничений (определение расстояния между членами пары (<6); рассмотрение биграмм, строящихся на текстовых лексических универсалиях; обозначенные идиостилевые критерии) для анализа отобрано 2400 лексических пар, употребленных 21350 раз.

Для выявления синтагматических приоритетов четырех авторов определен набор текстовых лексических универсалий, имеющих в творчестве каждого из них наибольшее количество употреблений с оригинальными контекстными партнерами. Способность слов иметь особое контекстное окружение в диссертации названа синтагматической активностью. Ее формализация позволяет построить синтагматический профиль автора — оригинальное количественное соотношение контекстных партнеров текстовых лексических универсалий в различных произведениях одного писателя. Ниже представлена разница между синтагматическими профилями четырех писателей на примере 13 слов (см. диаграмму):

Если исходить из сопоставления авторских показателей, наибольшую синтагматическую активность, по сравнению с чужими текстами, в творчестве четырех писателей проявляют следующие слова:

- М. Булгаков: *говорить, год, голос, мочь, отвечать, свет, сказать, тут*;
- В. Набоков: *вдруг, выходить, дверь, еще, жена, опять, ужé*;
- А. Платонов: *жизнь, жить, лежать, место, сила, ум, человек*;
- М. Шолохов: *глаз, голова, идти, лицо, нога, пойти, рука, спрашивать, улыбаться*.

Контексты перечисленных слов являются материалом специального семантического анализа в данной главе. Кроме того, для сопоставления привлечены и проанализированы контексты с индивидуально-авторской сочетаемостью этих лексем у других писателей. Каждый раздел главы, посвященный тому или иному «авторскому» слову, завершают абзацы сопоставительного характера. Они демонстрируют количественные и качественные различия между особенностями индивидуальной лексической синтагматики.

Методика анализа строится на выявлении семантических отношений между исходным словом и его контекстными партнерами. Приведем пример сопоставительного описания оригинальной синтагматики на примере слова *глаз*, проявляющего особую синтагматическую активность в произведениях М. Шолохова.

Среди самых типичных контекстных партнеров слова *глаз* — *указывать/указать* (31 случай), *щурить* (29), *блеснуть* (21), *прижмуривать/прижмурить* (18), *дед* (17), *платок* (17), *повести* (17), *угол* (17), а также *ласковый, поставленный, веселый, холодный, боль, жена, косой, красивый, насмешливый, опухнуть, припухнуть* и многие другие (всего 131 слово в 1034 контекстах).

Несмотря на то, что в своем исходном значении слово *глаз* относится к сфере «Человек как живое существо», чисто физиологический аспект в его контекстах актуализируется редко. Как правило, речь идет о выражении эмоций или оценки, жестах и т.д. Портретная характеристика персонажа чаще всего совмещается с дополнительной функцией. Например, *веселые* или *холодные глаза* — это и часть описания внешности человека, и выражение его эмоционального состояния. Поэтому ряд семантических соответствий, излагаемых далее, имеет совмещенный характер и определяется по доминирующему признаку.

• Глаз ↔ выражение эмоции (слова *щурить, блеснуть, прижмуривать/прижмурить, повести, потемнеть, посветлеть, ласковый, веселый, холодный, насмешливый* и др.)

При помощи глаголов, обозначающих движение глаз, выражаются самые разные эмоции персонажа, например:

– оживление, радость или, наоборот, злость, гнев: *«Пошли!» — коротко сказал высокий, обрадованно блеснув глазами* (Ш:ЗР); *«За вас же, сволочей!..» — неожиданно звонко сказал Давыдов и повел по сторонам странно посветлевшими глазами* (Ш:ПЦ);

– волнение и сочувствие: *Нестеренко был взволнован не меньше, но вида не подавал, покашливал, щуря карие, теперь уже невеселые глаза* (Ш:ПЦ);

Хозяин жалостливо щурил рыжие глаза, огорченно чмокал губами (Ш:ТД);

– ирония: *А Лопахин, щуря в улыбке светлые глаза, говорил: «Ты древнюю историю когда-нибудь изучал, старшина?»* (Ш:ЗР); *Председатель прижмурил левый глаз...* (Ш:ТД).

Несколько прилагательных, обозначающих признаки глаз, непосредственно связаны с эмоциями:

– ласковый: *«Я, братушки, ноне во сне видал... — говорил, сияя ласковыми телячьими глазами, смиренный Прохор Зыков* (Ш:ТД); *[Лушка] поправляла прическу, исподлобья глядя ласковыми и насмешливыми, всезнающими глазами...* (Ш:ПЦ);

– веселый и, наоборот, холодный: *«Нет, не дам!» — и улыбнулся... глядя на Нагульнова острыми, как у хоря, но веселыми глазами* (Ш:ПЦ); *Был Урюпин высок... веселые, бесстрашные глаза его вечно смеялись...; «А оттуда — в Вешенскую...» — снисходительно пояснил офицер, щуря холодные голубые глаза* (Ш:ТД); *«Мы не бежим», — сдержанно поправил его Лопахин, чувствуя, как закипает в нем злость к председателю, к его холодным, узко посаженным глазам...* (Ш:ЗР);

– насмешливый: *То ему снилось, что... рядом с ним... лихо перебирает ногами Лягтьевский и пялит на него блудливо насмешливый глаз...* (Ш:ПЦ).

• Глаз ↔ внешняя характеристика, портрет (слова *поставленный, косой, красивый, угол* — об углах глаз)

Автор обращает внимание на расстояние между глазами (т. е. как они поставлены — обычно близко, широко или косо) и на углы глаз: *в углах светлых, обычно зловонных глаз заметила жена копившиеся слезы...* (Ш:ПЦ).

Форма глаз, разрез глаз — шолоховская деталь. У многих персонажей, как мужчин, так и женщин, косые глаза: *В косых черных глазах его [есаула Калмыкова] сверкнула радость* (Ш:ТД); *Марина в упор щурила на Андрея удлинённый, чуть косою в разрезе черный глаз* (Ш:ПЦ).

• Глаз ↔ физиологическое состояние (слова *щурить, прижмуривать/прижмурить, боль, опухнуть, припухнуть, устало*)

Редкие контексты слова *глаз*, в которых становится актуальной физиология человека, указывают на болезненность, плохое физиологическое состояние, обычно возникшее вследствие сильной эмоции, усталости или ранения: *Широко расставленные, круглые, темные глаза его были устало прижмурены, красивое лицо измято бессонными ночами* (Ш:ТД); *Он с тревогой и недоверием смотрел на старое, рыжеусое, с припухшими глазами лицо старшины...* (Ш:ЗР).

• Глаз ↔ жест (глагол *указывать/указать*)

Словосочетание *указывать/указать глазами* многократно употребляется Шолоховым: *Разметнов указал глазами на дверь горницы* (Ш:ПЦ); *Стрельцов... указал болезненно сощуренными, но улыбающимися глазами на исписанные листки блокнота* (Ш:ЗР); *Ольга восхищенными глазами указала на Аксицию* (Ш:ТД). Такое движение глаз и лица — это, конечно,

жест, связанный с особой значительностью явления или события, и он дополняет визуальное представление о персонаже.

● Глаз ↔ человек, животное (существительные *дед, жена, конь, лошадь*)

Естественно, что рядом со словом *глаз* употребляется слово, обозначающее человека или животное, которому принадлежат глаза: *Жена против меня садится, и глаза у нее, как у кошки: круглые и искру мечут* (Ш:ЗР); *Караковый конь, кося злым глазом... ударил передней ногой в плетень* (Ш:ТД).

Рассмотрим, какова сочетаемость слова *глаз* у других писателей. Небольшой набор слов, используемых М. Булгаковым, указывает на то, что глаза в его произведениях — маркер отрицательных эмоций, тревоги, страха: *блуждать глазами* (от ужаса и горя, тоскливо и дико), *заморгать глазами* (от страха, виновато); среди распространенных определений — слова *волчий* (т. е. жадный или злобный), *мрачный, встревоженный*; вообще, существительное *тревога* — часто попадает в контексты слова *глаз*. У В. Набокова встречаем несколько специфических сочетаний: *близорукий* (в основном значении слова) *глаз, пробегать глазами* (по буквам, ногам), *рыбить в глазах* (от множества пестрых деталей), *придавать глазам* (свойство: наглость, искусственную теплоту и т. п.). В текстах А. Платонова существительное *глаз* особых контекстных партнеров не имеет.

Подобным образом проанализирована сочетаемость всех текстовых лексических универсалий, проявляющих наибольшую синтагматическую активность в творчестве четырех авторов.

В выводах содержится обобщение особенностей индивидуальной лексической сочетаемости. Исследование романов Михаила Булгакова указывает на синтагматическую активность лексики, относящейся к сфере «Речь». Глаголы речевой деятельности, а также слово *голос* участвуют в характеристике персонажа, выражении эмоций и оценки романских событий. Именно ситуации речевой деятельности (в частности, диалога) в повествовании Булгакова описаны со множеством оригинальных подробностей. Контексты слова *год* указывают на привязку временной лексики к значимым событиям с выражением авторской оценки экстраординарности временного периода. Рассмотренный материал свидетельствует о типичности слов, связанных с интенсивными слуховыми и зрительными впечатлениями, а также с динамичной сменой романских событий.

Анализ произведений В. Набокова выявляет синтагматическую активность наречий (т. е. подтверждает ранее отмеченное тяготение писателя к использованию признаков слов), а с денотативной точки зрения — соотношенность избранной лексики в большей степени с «Универсальными представлениями...». В рассмотренных контекстах проявляется актуальность слов, отражающих неожиданность событий и случайность/неслучайность явлений и процессов в художественном мире Набокова. То, что происходит неожиданно, часто связано с сильной эмоцией, переживаемой персонажем, пониманием судьбоносности (непоправимости) случившегося. Типичными маркерами важности событий оказываются слова *вдруг* и *опять*. Контекст-

ные партнеры избранных текстовых лексических универсалий подчеркивают особое эмоциональное состояние человека, значимость интеллектуальных процессов, перехода в другое художественное пространство и т. д., т. е. несут дополнительную функционально-текстовую нагрузку.

Судя по контекстам биграмм, используемых А. Платоновым (включающих слова *человек, жизнь, жить, ум* и др.), можно сделать вывод, что в центре внимания автора коренные вопросы жизни человека (для которой являются значимыми ее смысл, полезность, путь к постижению истины, пространственные координаты, энергетический запас тела и души, соотношение рационального и эмоционального, сложные взаимоотношения с природой, преобразовательная деятельность, направленная на благо других и построение светлого будущего, и т. д.), а также смерти как особой формы человеческого бытия.

В произведениях М. Шолохова больше всего синтагматически активны слова, обозначающие части тела человека и животного, и глаголы движения, что согласуется с результатами предыдущей главы. Однако преимущественное употребление слов *глаз, голова, рука* и т. п. не сводится к собственно называнию объектов, а служит обозначению эмоций, описанию жестов, выражению оценки внешности персонажа. Типовая сочетаемость указывает на предпочтения М. Шолохова в описании человека: смуглое лицо; веселые или холодные глаза; голова, которую вскидывают или роняют на ладони; сухие или потные руки и многие другие. Авторское употребление глаголов *идти* и *пойти* существенно покрывает типовую ситуацию движения, репрезентированную в языке, и при этом проявляет оригинальность в плане слов, обозначающих место, способ движения, совместно производимые действия и т. п. Специфические контекстные функции, обусловленные идиостилем Шолохова, выполняют также глаголы *спрашивать* и *улыбаться*, по сути связанные с дополнительной внешней характеристикой персонажа, выражением эмоций и т. п.

Результаты главы связаны со вторым аспектом идиостилевого исследования — выявлением особенностей авторской лексической синтагматики.

В **заключении** обобщены основные результаты исследования. В соответствии с поставленными задачами была создана теоретическая база исследования четырех идиостилей, выработана модель построения концептуальной системы автора. Осуществлена выборка индивидуально-авторских частотных слов, а также текстовых лексических универсалий, сформированы концептуальные профили авторов. Сопоставлены текстовые репрезентации денотативных сфер в произведениях разных авторов. Сделаны выводы об особенностях концептуальных систем М. Булгакова, В. Набокова, А. Платонова и М. Шолохова. Оригинальная модель анализа авторской лексической синтагматики позволила сформировать индивидуальные синтагматические профили и рассмотреть семантические отношения в контекстах лексических

биграмм. Вследствие этого дана характеристика синтагматическим предпочтениям писателей.

Первичный статистический анализ, определяющий отличие одного автора от других, уже на первом этапе ориентирован на формализованное выявление не интегральных, а дифференциальных признаков авторского идиостиля. Привлечение нескольких текстов одного автора дало возможность снизить влияние сюжета и композиции конкретного произведения на выборку частотной лексики. Использование количественно большого материала (многих объемных текстов) сделало анализ менее зависимым от возможности языковой подмены, стилизации под чужое повествование.

Выявленные признаки идиостилей М. Булгакова, В. Набокова, А. Платонова и М. Шолохова в соответствии с последней задачей работы сопоставлены с существующими филологическими представлениями.

Исследование творчества М. Булгакова показало, что значимые концепты сферы «Сверхъестественное» (*демоническое, дьявол* и т. п.), актуальны не для всего идиостиля, в отличие от концептов сфер «Искусство» и «Государство и право», а только для романа «Мастер и Маргарита». Лексика сферы «Религия» вообще не попала в список индивидуально-авторских частотных слов, а по репрезентации сфер «Универсальные представления...» и, в особенности, «Пространство» произведения Булгакова количественно явно уступают текстам других авторов. В отличие от А. Платонова, М. Булгаков не использует индивидуальной пространственной лексики для создания сложных пространственных моделей. Эти модели реализуются благодаря лексике сфер «Предмет», «Строительство, здание», «Населенный пункт» и др. Анализ и частотных слов, и биграмм, безусловно, подтверждает драматургичность творчества писателя и значимость социальных, ролевых форм организации повествования. Наиболее важной в этом плане является сфера «Речь» в силу частотности речевой характеристики персонажа, выражения эмоции и т. д.

Для романов В. Набокова действительно характерна репрезентация сфер «Универсальные представления...» и «Интеллект». Среди универсальных смыслов особое место занимают категории случайного, неожиданного, едва уловимого — они часто связаны с сильной эмоцией, выражением судьбоносности происходящего. Из анализа контекстных значений прилагательных и наречий, по числу которых произведения Набокова лидируют, следует, что категория признаковости в набоковском идиостиле имеет особый художественный статус. Сфера «Искусство» для писателя важна, однако по этой категории он существенно уступает Булгакову. С эстетизацией прошлого связана авторская реализации категории «Время». В полной мере подтверждается широта эмоционально-оценочной стратегии Набокова, с доминированием эстетической оценки в тексте, а также значимость для автора категории игры и сферы «Развлечение...» в целом. По реализации ведущих сфер «Оценка» и «Интеллект» тексты Набокова количественно суще-

ственно превосходят произведения других писателей. Тенденция к отражению вещного мира, детализации — причина доминирования конкретно-предметных сфер «Форма», «Предмет» и др.

Подтверждаемая количественно выраженность сферы «Универсальные представления...» (в особенности в части категорий «сущность» и «существование») согласуется со многими философскими концепциями творчества А. Платонова. Разветвленность текстовой репрезентации сфер «Социальные отношения и трудовая деятельность» и «Эмоции», художественная концептуализация в природных сферах, а также в сфере «Техника...» — факты, соотносимые с филологическими описаниями платоновских произведений. В результате сопоставительного стилистического анализа выявлено, что составляющие хронотопа (пространство и время) являются для Платонова онтологическими философскими категориями, а конкретно-предметные сферы, проявляющие чувственное восприятие человека, для писателя малозначимы. Анализ лексических биграмм подчеркивает особую актуальность для писателя коренных вопросов жизни и смерти человека, причем в важнейших философских аспектах: смысл и полезность жизни, энергетический запас души человека, его сложные взаимоотношения с природой и преобразовательная деятельность, а также смерть как особая форма человеческого бытия.

Проведенное исследование показывает, что произведения М. Шолохова действительно характеризуются доминированием сфер «Военная служба», «Населенный пункт...», а также конкретно-предметных сфер («Движение» и «Физическое воздействие»). Следует констатировать важность для писателя сенсорных впечатлений, среди которых особенно значимы обонятельные. Что касается природных сфер, то в его произведениях отмечается некоторое преобладание сферы «Живая природа», однако ее место среди категорий индивидуально-авторской частотной лексики вовсе не так существенно, как считается (исходя из тяготения автора к пейзажным описаниям). По выраженности сфер «Социальные отношения...» и «Эмоции» шолоховские тексты существенно уступают произведениям других авторов. Наконец, особую функциональную нагрузку получает в его творчестве лексика сферы «Человек как живое существо», в особенности (по анализу лексических биграмм) слова, обозначающие части тела. Как правило, к их контекстам невозможно приписать исключительно физиологические характеристики, так как они задействованы в выражении эмоций и жестов, характеристики персонажей и т. д. Частота использования приема выражения различных психологических признаков человека через описание его глаз, головы, рук и т. п. — черта идиостиля М. Шолохова.

В итоге традиционный филологический взгляд на творчество четырех писателей в разных случаях подтверждается сочетанием сопоставительного статистического, идеографического и стилистического анализа, однако есть существенные случаи дополнения или коррекции известных научных и читательских представлений.

Дальнейшее развитие идей диссертации составляет перспективу направления исследования — изучения идиостиля автора, которое проводится на стыке лексической статистики, корпусной лингвистики, семантики слова и текста и лингвистической поэтики.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, включенных в реестр ВАК МОиН РФ:

1. Лексические универсалии художественного текста: статистика и идеография / М. Ю. Мухин // Изв. Урал. гос. ун-та. № 53. Сер. 2. Гуманит. науки. 2007. Вып. 14. С. 105–109. (0,3 п. л.)
2. Лексическая статистика и идиостиль автора / М. Ю. Мухин // Вестн. Южно-Уральского гос. ун-та. № 2 (135). Сер. Лингвистика. 2009. Вып. 8. С. 51–55. (0,6 п. л.)
3. Количественные аспекты идиостиля (штрихи к концептуальной системе Андрея Платонова) / М. Ю. Мухин // Изв. Волгоградского гос. пед. ун-та. № 5 (39). Сер. «Филол. науки». 2009. С. 120–124. (0,4 п. л.)
4. Концептуализация социально-политической сферы в произведениях Андрея Платонова (по данным статистического и тематического анализа лексики) / М. Ю. Мухин // Политическая лингвистика. 2010. Вып. 1 (31). С. 166–170. (0,5 п. л.)
5. От лексической статистики — к концептуальной системе автора (по текстам В. Набокова) / М. Ю. Мухин // Изв. Урал. гос. ун-та. № 1 (72). Сер. 2. Гуманит. науки. 2010. С. 74–80. (0,5 п. л.)
6. Системный взгляд на язык советского периода / М. Ю. Мухин // Политическая лингвистика. 2010. Вып. 3 (33). С. 185–186. (0,3 п. л.)
7. Частота слова в тексте и штрихи к концептуальной системе Михаила Шолохова / М. Ю. Мухин // Вестн. Южно-Уральского гос. ун-та. № 21 (197). Сер. Лингвистика. 2010. Вып. 11. С. 20–24. (0,5 п. л.)
8. Михаил Булгаков: количественные и концептуальные аспекты идиостиля / М. Ю. Мухин // Вестн. Моск. гос. областного ун-та. Сер. Русская филология. 2010. № 4. С. 33–38. (0,6 п. л.)
9. Социально-политическое и личностно-психологическое в обозначениях человека (по произведениям М. Булгакова, В. Набокова, А. Платонова и М. Шолохова) / М. Ю. Мухин // Политическая лингвистика. 2010. Вып. 4 (34). С. 192–195. (0,4 п. л.)
10. Пути формализации сознания языковой личности / М. Ю. Мухин, А. П. Чудинов // Политическая лингвистика. 2010. Вып. 4 (34). С. 214–216. (0,3 п. л.)
11. Концептуальные профили произведений М. Булгакова, В. Набокова, А. Платонова и М. Шолохова (по данным сопоставительного анализа частотной лексики) / М. Ю. Мухин // Вестн. Рос. гос. ун-та им. И. Канта. Сер. Филол. науки. 2010. Вып. 8. С. 61–65. (0,3 п. л.)

Монография:

12. Лексическая статистика и концептуальная система автора: М. Булгаков, В. Набоков, А. Платонов, М. Шолохов / М. Ю. Мухин. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. 232 с. (13,5 п.л.)

Публикации в сборниках научных трудов и материалах научных конференций:

13. Эмпирический компонент семантики текстов В. Набокова (на материале романов «Дар» и «Другие берега») / М. Ю. Мухин // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1995. С. 125.
14. Эстетико-стилистический повтор как средство усиления смысла в произведениях В. Набокова / М. Ю. Мухин // Семантика слова, образа, текста. Архангельск : Изд-во Поморского междунар. пед. ун-та, 1995. С. 35–36.
15. Поиск и толкование имплицитно выраженных смыслов в произведениях В. Набокова / М. Ю. Мухин // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 1996. С. 73–74.
16. Усиление фразового смысла при помощи вставной конструкции (на материале произведений В. Набокова) / М. Ю. Мухин // Семантика слова, предложения и текста. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1996. С. 52–53.
17. Категория синтагматического напряжения и лингвистический анализ художественного текста / М. Ю. Мухин // Актуальные проблемы русистики. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1997. С. 163–165.
18. Сменность форм повествования как основной прием создания текстового синтагматического напряжения в романе В. Набокова «Дар» / М. Ю. Мухин // Художественный текст: структура, семантика, прагматика. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1997. С. 100–112.
19. Роман В. Набокова «Дар»: четыре повествователя / М. Ю. Мухин // Актуальные проблемы лингвистики. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 1998. С. 51.
20. Мнимая ситуация в романе В. Набокова и возможности читательского восприятия / М. Ю. Мухин // Дергачевские чтения — 98. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности : тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1998. С. 190.
21. Изображение творчества в романах В. Набокова: глагольная лексика / М. Ю. Мухин // Денотативное пространство русского глагола. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1998. С. 109–110.
22. Лингвистическая эстетика в романах В. Набокова как элемент метатекста / М. Ю. Мухин // Русский язык и русистика в современном культурном пространстве. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. С. 163–164.
23. Композиция романа «Дар»: голоса и тексты / М. Ю. Мухин // Филол. класс. 2001. № 6. С. 50–57.

24. Лексические множества и идиостиль автора: количественный анализ / М. Ю. Мухин // Образ человека и человеческий фактор в языке: словарь, грамматика, текст. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 143–146.
25. Лексические универсалии художественного текста / М. Ю. Мухин // Новая Россия: новые явления в языке и науке о языке. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. С. 460–462.
26. Идиостиль автора: квантитативный анализ и его филологическая интерпретация / М. Ю. Мухин // Мат-лы междунар. конф. «Диалог-2005». URL: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2005/MukhinM/MukhinM.htm> (дата обращения: 24.11.2010).
27. Процессуальная картина мира в художественном тексте: частотный и семантический анализ / М. Ю. Мухин // VERBUM: язык, текст, словарь : сб. науч. тр. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. С. 375–384.
28. Частотность лексики и концептуальная система автора художественного текста / М. Ю. Мухин // MegaLing'2007. Горизонты прикладной лингвистики и лингвистических технологий : докл. междунар. науч. конф. Симферополь: ДиАйПи, 2007. С. 144.
29. Частотная лексика в тексте (слова, объединяющие разных авторов) / М. Ю. Мухин // Теоретическая семантика и системная лексикография: эволюция интерпретаций на рубеже веков. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2007. С. 97–99.
30. Проблема автора и статистический анализ текста / М. Ю. Мухин // Литература Урала: история и современность : сб. статей. Вып. 3. Екатеринбург, 2007. Т. 1. С. 132–143.
31. Общее и индивидуальное в словаре языка писателя / М. Ю. Мухин // Креативная языковая личность в этносоциокультурном и прагмалингвистическом контексте. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2008. С. 143–147.
32. Частотный спектр как вид представления концептуальной системы автора / М. Ю. Мухин // MegaLing'2008. Горизонты прикладной лингвистики и лингвистических технологий : докл. междунар. науч. конф. Симферополь : ДиАйПи, 2008. С. 73–74.
33. Новая версия лексикографической интерпретации: опыт статистического сопоставления русских толковых словарей / М. Ю. Мухин // Новые версии лексикографической интерпретации языковой реальности : мат-лы всерос. науч. конф. «Язык. Система. Личность: Современная языковая ситуация и ее лексикографическое представление». Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2010. С. 144–150.